

1712 = РЖ) 2
1730

Дальневосточный

ТЕЛЕГРАФ

Олег Петров

Всепартийная, политическая, общественная и литературная газета.

69

Чита, Вторник, 29 октября 1921 года.

История Петрова с пропавшими журналистами. По Востоку.

“...Именем народа Д.В.Р.”

СТЕРВЯТНИКИ

Дальний

ДАШ
ОДАЧИТЫ
С
МЕСТЬЯМИ

Масштаб
1:10000

то новейшая
тапирографическая
Мяло Т. И.
Надпись ГОСКИ
в Москве издательство

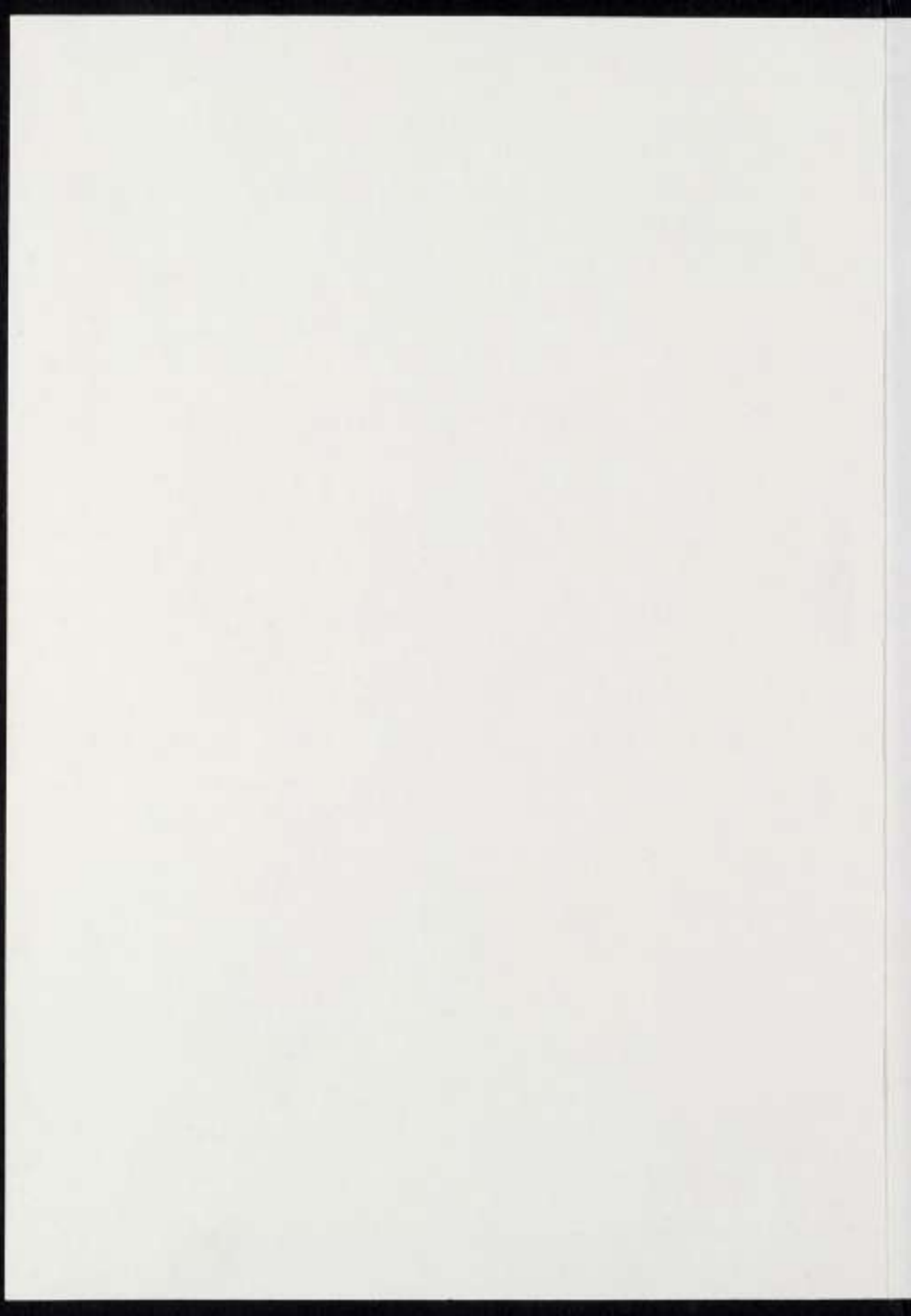

КУЗНЕЧЬЕ
РЯДЫ

Домь город

Великий Новгород
Городской
Училищный
Земельный
Кадастр
1864 года

Великий Новгород
Городской
Училищный
Земельный
Кадастр
1864 года

ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ
ООО "Имени ГОМБОЖАБА ЦЫБИКОВА И ЖАМСО ТУМУНОВА"

«Начиная с осени 1921 года г. Чита и ее окрестности стали местом целого ряда тяжчайших преступлений. При этом как самый способ совершения этих преступлений и почти одинаковые приемы злоумышленников, так и быстрота, решительность и крайняя жестокость их действий, а равно отсутствие каких-либо следов – дали основание предполагать, что преступления эти совершаются лицами, составляющими одну преступную шайку и занимающимися преступной деятельностью как ремеслом. Предположения эти скоро оправдались. После непрерывных, настойчивых наблюдений и поисков уголовному розыску удалось обнаружить преступную шайку с значительным количеством членов, спаянных дисциплиной, за малейшее нарушение которой провинившимся грозила смерть...»

Из постановления временно исполняющего должность
Особого следователя Высшего Кассационного суда ДВР
(1922 г.)

ВЫСШИЙ КАСАЦИОННЫЙ СУД
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Олег Петров

«...Именем народа Д.В.Р.»

Роман-хроника

СТЕРВЯТНИКИ

*Документально-художественный
роман*

ООО «Имени ГОМБОЖАБА ЦЫБИКОВА И ЖАМСО ТУМУНОВА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ-2009

к 84 + 84 (2 = Рус) 7

ПЗ0 УДК 882
ББК 84(2Рос)-44
П 305

ЭК

Петров О.Г.

П 305 «...Именем народа Д.В.Р». Роман-хроника; Стервятники. Документально-художественный роман / О.Г. Петров.
Ред. Д.М. Дондукова. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2009. – 816 с.

2072

573476

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

УДК 882
ББК 84(2Рос)-44

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА им. А.С. Пушкина
АБОНЕМЕНТ

© Петров О.Г., 2009
© ООО «Имени Гомбожаба Цыбикова и Жамсо Тумунова», 2009

2016

«...Именем народа Д.В.Р.»

Роман-хроника

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

В документальной и художественной литературе, в кинематографе и телесериалах, освещающей перипетии борьбы с уголовщиной после Октябрьского переворота 1917 года, вновь и вновь возникает фигура якобы знаменитого питерского налетчика Леньки Пантелеева. Различные версии его уголовных походов, по сути, сводятся к тому, что это был неуловимый и дерзкий бандит, терроризировавший один из крупнейших городов России. Но изучение преступных деяний Пантелеева показывает: численность возглавляемой им преступной группы была довольно малочисленной, а разбойная деятельность — непродолжительной. Тем не менее, фигура Пантелеева овеяна таким ореолом криминальной «славы», что создается впечатление — после 1917 года крупнее уголовного преступника не было.

Вместе с тем, в 1922 году в Чите, практически на протяжении двух с лишним лет действовало организованное преступное сообщество, в которое входили только более сотни активных членов. Строжайшая конспирация, широкий подкуп, говоря современным языком, сотрудников органов правопорядка, преступный размах и фигура главаря — Константина Ленкова — полностью затмевают деяния и личность его питерского «коллеги». Достаточно сказать, что на скамье подсудимых по делу о шайке Ленкова в 1922 году оказалось разом 74 бандита. Такого процесса над уголовщиной российская Фемида не знает до сегодняшнего дня.

О том, как все это было, как уголовный розыск и органы государственной безопасности Дальне-Восточной Республики в 1921–1922 гг. вели борьбу с ленковцами, рассказывает эта книга.

В ней нет ни одного вымышленного факта, ни одного придуманного персонажа. Все цитируемые документы — подлинны. Книга основана на ранее, в большинстве своем, неизвестных документальных источниках, хранящихся в Государственном архиве Читинской области (ныне — Забайкальского края). Орфография и пунктуация документов сохранены.

2

Исторический фон романа-хроники заслуживает некоторой характеристики.

В течение мая 1918 года во Владивостоке сконцентрировалось около 16 тысяч чехословаков — часть чехословацкого корпуса, которому по решению советского правительства был разрешен выезд по Транссибу на Дальний Восток для дальнейшего следования на родину. Но, как известно, в целях борьбы с большевиками корпус белочехов, как его называли, был активно использован для свержения новой власти в Приморье и обеспечения развертывания

вооруженного белого движения и иностранной военной интервенции: 29 июня 1918 года белочехи при поддержке так называемых «союзных десантов» свергли во Владивостоке советскую власть. Ранее, 18 июня, японские войска захватили Благовещенск, а 5 сентября белогвардейские силы вошли в Хабаровск. К этому времени на Дальнем Востоке насчитывалось только 73 тысячи японских штыков, не считая американского экспедиционного корпуса генерала Гревса.

Особо следует заметить, что к началу мятежа белочехов составами с ними были забиты практически все станции и разъезды Транссибирской магистрали от Омска до Владивостока. Пожар гражданской войны и иностранной военной интервенции вспыхнул в Сибири практически повсеместно и достаточно организовано. В начале июля красным пришлось оставить Иркутск, 26 августа – Читу. Два года шла кровавая борьба, в результате которой белогвардейские силы и интервенты были вытеснены из Прибайкалья, Забайкалья и Восточного Приамурья.

Но у партизанских сил возможностей для полного освобождения Дальнего Востока, конечно, не было. От Советской России достаточной вооруженной помощи пока тоже ждать не приходилось: гражданская война в центральной части, на западе, севере, юге РСФСР претерпевала самую драматическую фазу. Центральным Комитетом РКП(б) и Совнаркомом РСФСР перед Дальневосточным бюро партии была поставлена задача сделать все для того, чтобы не только отдалить войну Советской России с Японией, но и, если это окажется возможным, обойтись без нее.

Решение этой задачи было найдено: создание «буфера» – нейтрального государственного образования. После длительных переговоров с различными политическими силами 28 октября 1920 года в Чите состоялась конференция представителей правительств освобожденных от белых и интервентов территорий – Приморской, Амурской, Сахалинской, Восточно-Забайкальской, Камчатской областей. Была провозглашена демократическая республика с сохранением института частной собственности, проводящая политику добрососедского сотрудничества с окружающими республику государствами. Она получила название Дальне-Восточной Республики (ДВР). Советизация ДВР на данном этапе была признана недопустимой.

Конференция 10 ноября избрала центральное правительство ДВР в составе 5 коммунистов и 2 беспартийных. Председателем правительства с сохранением за ним функций министра иностранных дел избрали П. М. Никифорова.

В январе 1921 года прошли выборы в Учредительное собрание ДВР. Социалистический левый блок из 382 мест получил 275 и явился решающей силой Учредительного собрания, принявшего Конституцию ДВР и декларировавшего суверенитет, независимость и самостоятельность нового государства, переход к ДВР договорных прав царской России на Китайской Восточной железной дороге, гарантию политических прав всем гражданам, отмену смертной казни и телесных наказаний. Была объявлена амнистия всем политзаключенным, принято обращение к иностранным государствам, призывающее их развивать с ДВР экономические отношения, инвестировать капиталы в промышленность республики. Столицей ДВР была объявлена Чита.

По решению ЦК РКП(б) в Читу для укрепления «буфера» были направлены П.Ф. Анохин (с правами секретаря ЦК партии большевиков) и В.К. Блюхер — для реорганизации вооруженных сил республики — Народно-Революционной Армии (НРА). 27 июня 1921 года Блюхера назначают главкомом НРА и военным министром ДВР.

Укрепление военной мощи ДВР являлось решающим условием всей дальнейшей жизнедеятельности республики, для которой первейшей задачей оставалось сохранение зыбкого мира с Японией, продолжение борьбы с белогвардейщиной, которую не устраивали дзвзоровские порядки. В Приморье сосредоточилось более 18 тыс. каппелевцев, активизировавшихся после контрреволюционного переворота во Владивостоке 27 мая 1921 года и образования там, в пику ДВР, монархистско ориентированного правительства братьев Меркуловых, опиравшегося на японские и белогвардейские штыки. Одновременно на Западное Забайкалье наступали дивизии барона Унгерна численностью около 13 тыс. сабель.

Между тем, крайне тяжелая социально-политическая обстановка, сложившаяся в тот период в Забайкалье, породила волну уголовной преступности. Подняли голову не только старые уголовные «кадры», но и их новое «пополнение» — неудовлетворенная результатами борьбы за народную власть и установленными в ДВР буржуазными порядками довольно многочисленная прослойка бывших красных партизан, ожидавших с победой для себя льгот, привилегий и благ.

ГЛАВА 1

– Длюга, длюга!

Закемарившего после обеда под густой черемухой парня тормозили два тощих, почерневших от щедрого забайкальского солнца китайца.

– Чево вам, узкоглазые?

Рослый, плечистый парень сладко зевнул, недовольно кряхтя, сел, тяжелым взглядом, исподлобья, окинул суетящуюся подле него парочку «ходовей».

– Длюга! Станция давай? Давай, длюга!

Внушительной лопатой-ладонью парень припечатал крупного серого паута, влившегося в обнажившуюся голень, сдернул книзу задрвшуюся гачу ветхих бумазейных штанов.

– К паровику, што ли, в Куку отвезть?

– Кука, Кука! Да, да! Длюга! Станция! Кука, Кука! – обрадованно закивали китайцы.

– А деньги, деньги у вас есть, отродье хунхузское? – Парень красноречиво пошевелил-потер большим и указательным пальцами.

– Денег? – переспросил один из китайцев.

– Она самая, денег, денег!

– Денег еся, еся! – закивал китаец, улыбаясь щербатым ртом. – Станция, длюга, Кука, Кука!

– «Длюга»! – передразнил китайца парень. – Обезьян тебе «длюга», мартышка плюговая!

Китайцы поскучнели.

Парень окинул ленивым взором крепко утопанный пятачок у крыльца местной харчовки. Через настежь распахнутые двери просматривалось ее пустое нутро, только смурная некрасивая девка зло терла тряпкой тяжелую лавку возле такого же, крепко сбитого из сосновых плах длинного стола.

По кривой улочке, к серым от ветхости домам-развалюхам поодаль, плелась сонная от полуденного зноя собака, огорченная и разочарованная тем обстоятельством, что подле харчовки пожитья на этот раз не сложилось.

Парень медленно повернул голову в противоположную сторону, но и в более зажиточной части Оленгуйского поселения никакого шевеления не наблюдалось. Жара всех загнала в тень. Желаящими ехать на станцию, к вечернему паровику до Читы, не пахло. Дорога неблизкая, потому ежели, окромя китайцев с узлами, никто у харчовки в текущий момент не маячит, стало быть, извозного форта нынче не предвидится...

– Длюга! Денег еся, – снова приблизился один из китайцев, тряся в вытянутой руке пачкой мятых ассигнаций. Толщина пачки обнадеживала. По крайней мере, овес, считай, окупится.

Парень тяжело вздохнул. Выбор был невелик. Либо гнать пустую подводу до дому, либо заночевать в Оленгуйском до утренних ездовых. Заночевать, конечно, можно здесь и задаром. И даже с прибытком! Лошади травки похрупают, а их хозяин к ядреной Ульянке под бочок подкатится. Еще и самогону нальет, шалава!

Мысли ворочались в башке сонно и лениво – жара действовала и на них.

Парень посмотрел на застывшего в полупоклоне китайца, медленно и тягуче сплюнул ему под ноги и так же нехотя поднялся с расстеленного в черемуховой тени куска войлока.

Оба китайца оживились, заулыбались заискивающе.

– А чем, ходя, тут промышляли-то? – спросил больше по привычке, чем для интересу.

Оба китайца внимательно уставились на него, явно вопроса не поняв.

– Ну, вы – мартышки! – засмеялся парень. – На рассейской земле мышкуете, а говору не обучились! Че таки дурни-то? Вона я к вам кады хаживал, так попотанье ваше вмиг освоил.

Парень повторил свой вопрос по-китайски. Удивление «ходей» его рассмешило еще больше. Он снисходительно вслушался в ответное попотание, лениво подцепил с травы кошму, аккуратно скатал и положил в телегу.

– Хер с вами, хунхузы! – Повернулся к китайцу, держащему деньги, цапнул из тощей горсти пачку и сунул ее себе за пазуху. – Щас лошадох запрягу – и покатым, «длюги» мои узкоглазые! Ага! Станция, станция! Кука! Пых-пых-пых! Ту-ту-ту-у!..

Китайцы в дороге переживали. Опоздать на паровик боялись. Опаска – понятно почему: лошади телегу вяло катят – жара, слепни да пауты достают. Но дорога бежит под поскрипывающие колеса, исчезает позади за кустами и могучими соснами, вьется то одним распадком, то другим.

А китайцы опять о своей тревоге на паровик не успеть попочут. И опять приходится успокаивать неугомонных пассажиров – успеем на станцию, не впервой. Елозят, дышло им под ребра! От, народец! А поди ж, тоже не все одинаковы. Парень усмехается. Это, кады он во первые разы в «маньчжурку» шастал, то вкругорядь ихние желтые хари одинаковы казались. А потом – не-ет, разные! – различать начал. Оне-то, поди, тож, не сразу русскую морду одну от другой отличают.

– Привал, ходи, перекур! Лошадкам отдохнуть требуется! – Парень прыгнул с телеги, ласково похлопал пару гнедых по шелковистым щекам. – Взопре-ли, сердешные, обезьянов возить? Ничо...

Достал из кармана кисет, принялся сворачивать внушительную самокрутку. Один из китайцев вынул из кармана крашеной в черное чесучовой поддевки коробку папирос, протянул, угощая.

– Богато живете, ходи! – удивился парень.

Папиросу взял, понюхал, заложил за ухо, продолжил сворачивать «козью ножку». Китаец с папиросами, мелко кивая головой, протянул парню всю коробочку, достал спичечный коробок, чиркнул и поднес яркую фосфорную спичку.

– Ну, вы, бля, совсем баре! – хмыкнул парень и внимательно оглядел своих пассажиров. – Значит, на прииске, лопочите, поработали? Фартово, видать, золотишко помыли...

Последнее – больше себе под нос пробубнил.

Он долго дымил самокруткой, пристально разглядывая китайцев. Под тяжелым взглядом они занервничали, засуетились, вновь принялись, старательно и заискивающе улыбаясь и мешая родные и русские коверканые слова, уговаривать возницу поторопиться.

– Щас, щас, чево раскудахтались! – широко, обезоруживающе улыбнулся парень, неторопливо обошел, поправляя постромки, лошадей, вернулся к передку телеги, тронул пятерней сыромятные вожжи.

А потом, быстро выхватив из-под своего, оборудованного в передке телеги сиденья – доски, обмотанной тряпьем, – острый плотницкий топор, с кхеканьем, почти без размаха, ударил сверкнувшим лезвием ближнего из китайцев по темени, разваливая череп!

Рванул молча топор назад, тут же бросая гибкое, сильное тело ко второму, остолбеневшему от увиденного, полоснул мощным ударом по тонкой, с набухшими коричневыми жилами шее! И сразу же отдернул руку, чтобы на засаленный рукав рубахи не попала брызнувшая фонтанчиком алая кровь.

– От так от, макаки! Не хер тут лопотать! – выкрикнул парень, тяжело дыша.

Аккуратно положил топор на землю, вынул из-за уха дареную папиросу, повернулся к первому из убитых и, не отводя взгляда от страшной раны с пузырящимися кровью мозговыми ошметками, уверенно сунул руку в карман чесучовой поддевки китайца. Достал коробок со спичками, чуть подрагивающими пальцами чиркнул фосфоркой по штанам, прикурил, глубоко затягиваясь. Прислушался.

За кустами чирликала невидимая пернатая мелюзга, где-то далеко дробил дятел, а когда он замолкал, откуда-то – еще дальше в лесной глубине – подавала голос кукушка.

– Давай, давай, беспутая, не останавливайся, – криво усмехнулся парень, – набирай мне годки. Я жить собираюсь долго...

Он докурил папиросу до начавшего тлеть мундштука, сплюнул и вдавил окурок каблуком в песок дорожной колеи. Потом, глубоко вздохнув, тщательно вывернул карманы жертв, не побрезговал пошарить за пазухами у китайцев, перебрасывая все находки в телегу, и только после этого схватил одного из убитых за ноги и шумно, треща валежиной, потащил в густые багуловые кусты. Отмахиваясь от потревоженной мошкары, вернулся за вторым трупом и отволок его туда же.

Безжалостно напояв с пары растущих у дороги молодых сосенок охапку пышных, больших лап, в ярко-зеленой густой бахrome мягких игл, – отправился с ними обратно к кустам, завалил тела хвоей. Отошел на пару шагов, придирчиво оглядывая, выругался, скривившись, и повторил процедуру с сосновыми ветками. Теперь, на взгляд убийцы, тела жертв были укрыты вполне сносно.

Парень вернулся к телеге, перебрал извлеченное из карманов убитых, негромко матерясь, принялся распутывать поклажу своих недавних пассажиров – аккуратные узлы из тонких суконных одеял, – оценивая их изучая и прощупывая каждую тряпку – рубаху или портянки, штаны, душегрейки.

Наконец, обнаружилось главное, что растянуло красиво очерченные губы парня в довольной улыбке, – неказистый плотный холщовый мешочек, увесистость которого при довольно скромных размерах была не просто приятной – радовала!

Парень оглянулся по сторонам, замер на мгновение, внимательно слушая тишину, потом тщательно закопал мешочек в соломе на передке телеги, столкал китайское шумтье обратно в связанные узлом одеяла, по-хозяйски пристроил поклажу на телеге под соломой.

Уже привычно вынув из кармана штанов папиросную коробку, снова закурил. Попыхивая зажатой в углу рта папиросой и что-то мурлыкая себе под нос, поднял с травы топор, оглядел его, и, довольно кивнув, вернул в телегу на прежнее место.

– Ну, че, милья, застоялись?! – весело прикрикнул парень на напряженно застывших лошадей – коняга, она, конечно, животины скотская, но, бля, умная, понимает, что он с узкоглазыми-то сотворил. Ниче, переживут гнедки, переживут.

– А ежели вы, черти старые, больно нервные и пугливые – отдам на городску мыловарню! Н-но! Поехали, зверюги, домой, порадуем молодуху да малого гостинцами от обезьянов!.. Давай-давай, савраски, еще червонец верст нам с вами по жаре телепать! Да-а-вай! – уже во все горло орал парень, покидая страшное место...

В этот ветреный мартовский полдень министр внутренних дел Дальневосточной Республики Александр Александрович Знаменский вернулся к себе в кабинет явно не в духе.

И было от чего: заседание Правительства закончилось не в его пользу. На шею вешали «железку» – железнодорожную милицию, до сей поры обособленно действовавшую при Минтрансе ДВР. Передача «железки» в МВД означала одно: теперь это целиком и полностью его, Знаменского, хлопоты – обеспечивать новый придаток пайками и обмундированием, оружием и иным довольствием. Подобной головной боли министру хватало и по территориальной милиции. Но какова была физия у дородного министра транспорта – удовольствие, подлец, скрыть не мог! От такого ярма освободился!

Знаменский в сердцах швырнул черной кожи портфель на стол, достал из кармана огромный носовой платок, вытер вспотевший лоб, потянулся было к графину с водой, но тут затрещал высокий черный телефон.

Министр с недовольным видом снял сверкающую начищенными латунными частями эбонитовую трубку, поднес ко рту загнутый раструб.

– Знаменский у провода, слушаю. А-а, весь внимание! Все злорадствуешь?! Да я слышу по голосу... Нет? Когда бы я тебя, дорогой, не знал! Сбагрил мне свое войско, а теперь еще и с просьбами! Занятно... Что? Так... Так... Ха-ха-ха!.. Луч света в темном царстве! Что? Да нет, это я так... И, что ты думаешь,

буду возражать? А вот и не буду! Не понял? Да заведи ты его! Пожалуйста! Рады, так сказать, стараться-с! Самым немедленным образом, безотлагательно, сиюминутно издам приказ и проведу, как откомандированного для выполнения задания особой важности... Ха-ха-ха! Причитается с тебя, дорогой! Что? Согласен! Ну, до встречи!..

Хлопнул трубкой об аппарат, довольно постучал пухлыми пальчиками по зеленому сукну обширной столешницы, уставленной всевозможными канцелярскими прибабасами, толкнул уточкой закачавшееся пресс-папье.

Звонил министр транспорта, Легко на помине! Просил оставить у него Проминского. Желает его определить особым уполномоченным на станцию Маньчжурия. Торговля и перевозки растут, масса проблем, посему, дескать, надо бы этот участок укрепить. И, мол, с Проминским переговорил, тот не против. Ха, да ради Бога! Одной головной болью меньше! Этому большевичку вечно все не так, да не эдак... Ох, и попортил он ему, Знаменскому, крови!.. Больно умный! Вот и пусть там, с китайцами, умничает!

«Кровь портил» министру Знаменскому уполномоченный ЦК РКП(б) по организации милиции в ДВР Леонид Иванович Проминский, сразу же после освобождения Читы от семеновщины прибывший сюда и активно взявшийся за дело. Дилетантом в милицеских вопросах Проминского не назовешь, ранее руководил милицией в Иркутске и Владивостоке.

Но Знаменский увидел в нем соперника. Прежде всего, с карьерной точки зрения – дышит, большевистская бестия, в затылок! И провернул незамысловатую, но удачную комбинацию, добившись под благовидным предлогом перевода господина-товарища Проминского в другое министерство – транспорта. Дескать, для создания и укрепления железнодорожной милиции, тогда подчинявшейся Минтрансу.

«Тьфу ты! Так удачно тогда спровадил, а с этой передачей мне чертовой «железки» чуть было назад не заполучил», – облегченно подумал Знаменский после звонка коллеги из транспортного ведомства.

Нажал кнопку медного звонка, вызывая из приемной секретаршу.

– Вероника Иннокентьевна, попрошу вас, голубушка, подготовьте приказ по министерству...

А вечером обмыли это дело с коллегой из Минтранса в шикарном «Даурском подворье». Шустовским коньячком из старых запасов хитрого ресторатора...

Назначенный правительственным приказом в ноябре 1920 года на свою высокую должность Александр Александрович Знаменский являл собою типичный образец кабинетного чиновника.

Вступив в семнадцатом году в партию эсеров, он волей-неволей оказался втянутым в борьбу с белогвардейцами и интервентами, поначалу участвовал в организации подполья в Благовещенске, затем постепенно вышел на одну из первых ролей в штабе партизанских сил Приамурья.

В период разгрома партизанского движения скрывался в одиночку, потом, вовремя сориентировавшись, примкнул к возрожденной повстанческой армии. Уровень образованности, старые связи помогли ему вновь занять руководящее положение, создать себе авторитет народного вожака.

Взлет до министра для него, выходца из чиновничьей, средней руки, семьи, был своего рода осуществлением жизненной мечты. До такой высоты в роду Знаменских никто не подымался, и это кружило голову.

Впрочем, в силу своей довольно авантюрной натуры Александр Александрович всегда тяготел к шапкозакидательству, умел красиво и эффектно доложить об успехах, ненавязчиво напомнить о своих былых партизанских заслугах и «революционном стаже». А посему – был на слуху и на виду. Что, собственно, при дележе правительственных портфелей в только что учрежденной республике, свою роль и сыграло.

Знаменского распирало от собственной значимости до такой степени, что он искренне полагал: каких-либо проблем для него на новом посту не существует. «Куда как грозные вражьи силы одолели, – любил говаривать министр, – и с уголовщиной покончим в два счета!»

Понятно, что в окончательной победе над уголовным миром никто и не сомневался. Другое дело, что не помешала бы более трезвая оценка обстановки, как и детальная выработка тактики борьбы с преступностью. Простейший анализ ситуации свидетельствовал о том, что новый враг силен и коварен, быстрой победы ожидать, увы, не приходится.

Но занятого самолюбованием министра всякие там анализы интересовали менее всего. Он любил сидеть с важным видом на заседаниях и совещаниях, изрекая обтекаемые фразы о важности борьбы с преступностью, высыпал на подчиненных ворох, по сути, пустых указаний по мелким вопросам реформирования милиции. Больше увлекался разработкой форм отчетности с мест, одновременно окружая себя ореолом крайней государственной загруженности, невероятной занятости и чиновничества.

Попасть на прием к министру и, тем более, быстро решить какой-либо вопрос по существу, было делом невероятным. А если чей-то рапорт или прошение оказывались-таки на министерском столе, – неспешно препровождались Знаменским в канцелярию с ничего не значащей резолюцией или переадресовывались начальнику Главного управления милиции Колесниченко. Последнее для рапортующего или просителя было удачей. Николай Иванович Колесниченко представлял прямую противоположность равнодушному и вальяжному чинуше Знаменскому.

Юрист по образованию, закончивший Томский университет, Колесниченко в 1917–1918 годах возглавлял военно-милиейские части народной охраны во Владивостоке, ранее, с марта до осени семнадцатого, ревкомом безопасности Томской губернии избирался начальником милиции Томска.

В Читу приехал из-за границы, после длительной секретной командировки. Что это была за поездка, куда, в Чите об этом не ведали. По документам же Колесниченко прибыл из Владивостока с должности краевого Правительственного инспектора Народной милиции.

Невысокий, крепкого телосложения, с чуть прищуренными умными серыми глазами на интеллигентном лице, с густыми волнистыми темными волосами, всегда аккуратно одетый – как правило, в гимнастерку, туго перепоясанную ши-

роким кожаным ремнем, — Николай Иванович по складу ума являлся прирожденным штабистом, обладал незаурядными организаторскими способностями, поразительным умением четко отслеживать складывающуюся обстановку. С первых дней своего вступления в должность стремился поставить всю деятельность милиции на законную основу, регламентировать ее работу, права и обязанности.

Колесниченко первым заговорил о необходимости выработки закона о милиции ДВР, инструкций милицейской службы. Немедленно обязал начальников областной и городской милиции ежедневно являться к нему с утренним докладом обо всем происшедшем за истекшие сутки в области и столице ДВР, а ежемесячно — представлять письменный рапорт-отчет. В первую очередь, о выполнении инструкций и руководящих указаний, составление которых было у Колесниченко явной слабинкой, но, в отличие от Знаменского, указаний не пустопорожних, а наполненных самыми насущными для милиционеров проблемами и предложениями по существу, без «воды».

Вот и сейчас Николай Иванович с карандашом в руках изучал очередной рапорт начальника Читинской городской милиции Сержанта:

«Доложу: 1. Инструкция по делопроизводству мною преподана всем нач. участков. 2. Инструкций и уставов старой полицейской службы нет. Дополнительно доношу о срочных и неотложных нуждах гормилиции, как-то: а) совершенно не выдавалось обмундирование с момента организации милиции; б) не получено продовольственного пайка как на сотрудников, так и на их семейства за январь и далее, а выдававшееся ранее не приходилось по установленной норме; в) для более продуктивной работы по борьбе с уголовной преступностью необходимо вести регистрацию преступников с применением дактилоскопии и фотографирования, увеличить штат уголовного розыска. Средства на данные мероприятия и другие неотложные нужды уголовного розыска не отпускаются, что тормозит успешному делу борьбы с уголовной преступностью.»

Пункт «в» убедил внести в рапорт помощник начальника городского отделения уголовного розыска Сметанин, напомнив Сержанту и начугро Гадаскину про полезность имевшегося ранее в милиции уголовно-разведочного бюро.

Написал в своем рапорте начальник городской милиции и о необходимости откомандирования в распоряжение начгормилиции до двухсот бойцов-народоармейцев для укрепления милицейских рядов.

Колесниченко руками и ногами был за все эти предложения. Читал рапорт Сержанта и скрипел зубами от досады: мало чем мог помочь практически.

Определенные надежды он возлагал на возможности Народно-Революционной Армии ДВР. Еще месяц назад, на свой страх и риск, через голову Знаменского, обратился к военному министру. Блюхер обещал посодействовать с пополнением милиции демобилизуемыми народоармейцами и в снабжении оружием. Вот только, как скоро это произойдет? Ведь и армия не роскошествует, да и дела на западном и восточном направлениях пока не радуют. Хорошо, что Блюхер прекрасно понимает, что разгул уголовщины в тылу войск — бомба замедленного действия, которая может взорваться в самый неподходящий момент.

Николай Иванович поднялся из-за стола, подошел к окну. В густеющих сумерках одиночные прохожие ускоряли шаг.

Да, фланировать после шести вечера даже по центральным читинским улицам мог отважиться далеко не каждый, тем более в одиночку. Читинский обыватель стремился к этому времени оказаться дома, за крепкими дверными запорами и запертыми оконными ставнями.

Став столицей обширной Дальне-Восточной Республики, Чита захлебывалась в волне краж, грабежей и убийств. В новоиспеченном стольном граде собралось множество самого разнообразного преступного сброда: карманники и домушники, медвежатники и карточные шулеры, конокрады и мошенники.

Впрочем, явного деления на уголовные «профессии» не существовало. Как удавалось, так и грабили. А самый простой способ избавиться от нежелательных свидетелей – убить! За годы гражданской войны и еще продолжающейся на Дальнем Востоке интервенции человеческая жизнь обесценилась до копеечного уровня, для достижения своих целей преступники не останавливались ни перед чем.

Ежедневно в их ряды вливались обнищавшие крестьяне и горожане, довольно многочисленной становилась в бандитской среде прослойка бывших партизан, явно недовольных установившимися в ДВР государственными порядками.

«Ишь ты, как повернуло-то, – гудели они промеж собой, – кады ялошек с белочехами и семеновщиной рубили в капусту, нужда в нас была великая, а теперя?! Накося-выкуси! Выходит, воевали за здорово живешь? Да кабы и в самом деле по-здоровому бы зажили... Куды с добром! Шрапнельных яблочек, свинцовова гороху наелися досыта, а что до настоящих яблочек и пирогов, так уселись кушать другие, побойчей! Мы кровь-пот проливали, а толстопузые мошну набивали! Теперя потрясли деньгой и ан – на коне!..»

Бравые орлы минувших битв наивно полагали, что немедленно после отгремевших залпов начнется раздача наград и благ. И при этом никто не будет обделен. По боевым заслугам и вкладу в партизанскую борьбу каждому и воздастся.

В это искренне верили не только темные крестьянские души, чье участие в боях, как нередко бывало, ограничивалось обороной собственной деревни. Убеждена была в этом и часть партизанских вожаков, теперь претендовавших на высокие государственные посты в министерствах и ведомствах ДВР. Понимание, что методика сабельных рейдов и атак малоприменима в налаживании мирной жизни и общественном обустройстве, а иного опыта участия в государственных делах они не имеют, – такое понимание в сознание лихих партизанских рубак, особенно командиров, входило плохо.

Зато другое лежало на поверхности: опять отовсюду повылазили лоснящиеся буржуйские морды, засели за дорогущие прилавки, за зеленого сукна двухтумбовые столы в присутственных местах, на автомобилях раскатывают, в ресторанах деньги пачками просаживают. И это все при том, что простой люд как жрал лебеду, как получал хлеб из отрубей на скудные продпайки, так и остался при оном «казенном антиресе».

И не праведное ли в таком случае дело – растрясти буржуйские запасы, куркульскую мощь и отдать народу все, что у него снова обманом выманили?.. Лихая партизанская вольница за несколько огненных лет напрочь отучила многих от былых мирных занятий, отвлекла от земли. Кое-кто и желания-то на возврат не испытывал! Оставались в армии, занимаясь привычным военным ремеслом, в других военизированных структурах. Но – это те, кто принял новую власть или хотя бы увидел в службе этой власти честный способ мирного существования.

Другим, которых было немало, обладание оружием кружило голову. Дернуть винтовочный затвор и махом решить возникшую перед хозяином винтовки проблему – нравилось и устраивало. Простотой решения. А еще – тем, что не надо себя загонять в какие-либо рамки подчинения, дисциплины. Хотелось прежней партизанской вольницы, а гладкое винтовочное ложе в ладони или рубчатая рукоятка револьвера так о ней, забубенной вольнице, напоминали!

Потому, когда ожидание манны небесной от новых властей прошло, не столь уж мало народу взялось промышлять разбоем на дорогах и улицах, благо вооружения хоть отбавляй, а средства для житья-бытия добываются наверняка. В общем, и сыт, и пьян, и нос в табаке, ежели не из робких да при «винторезе» или «нагане», на худой конец, шашка или бомба тоже сойдут...

Оружия в свободном владении, и действительно, было хоть пруд пруди. Колесниченко как раз и готовил проект недавнего распоряжения Правительства ДВР о сдаче всего незаконно находившегося на руках населения вооружения.

Приносили. А кто-то просто выбрасывал на улицу. Только за две недели после публикации в читинских газетах правительственного распоряжения на одной Чите-1 милиционерами было изъято и подобрано на улицах (!) около 900 стволов разных калибров и систем.

Но Николай Иванович знал: значительная часть «наганов» и трехлинейек, «маузеров» и «берданок», «браунингов» и «арисак» осела у преступного сброда и пускалась им в дело без малейшей задержки.

Знал Колесниченко и другое. У только что родившейся Дэвзэрии какой-либо значимой силы, могущей противостоять бандитскому разгулу, фактически-то пока и нет.

Поначалу, по инерции, общественный порядок пытались охранять остатки семеновской милиции, вернее, тех городских и сельских милицейских сил, что остались после бегства атамана.

В верхах, к счастью, это сразу оценили по-государственному: осенью 1920 года, буквально через несколько дней после освобождения Читы от интервентов и белогвардейцев, по предложению управляющего внутренними делами ДВР Герасима Аршинского, Облнарвоенком – тогдашний орган высшей власти – образовал Забайкальское областное управление милиции с возложением обязанностей его начальника на известного партизанского вожака Василия Михайловича Сокол-Номоконова.

– Что же вы, товарищи дорогие, делаете! – обескураженно, но с плохо скрываемым удовольствием от оказанной чести, взялся было возражать на заседании областного ревкома прославленный партизанский командир. – Дело-то во

многом незнакомое, я уже и забыл когда, да и кем, – простым милиционером был! А тут каков размах! Целая область, товарищи! Человек со знаниями соответствующими, с обучением нужен. А моего опыта...

– А японцев и семеновские морды бить где обучался?! – выкрикнул весело кто-то от стола президиума. Все одобрительно зашумели и голосовали единогласно, потому как биографию Сокол-Номоконова знали.

Участник революционных событий 1905 года, которые для него закончились заключением в Нерчинскую тюрьму, потом, с весны семнадцатого, член Успенского волостного комитета общественной безопасности в селе Ключевском, Сокол-Номоконов, с наступлением советской власти, как наиболее грамотный, закончивший двухклассное училище, был выдвинут на милицейскую работу – на станцию Куэнга, обслуживал по железной дороге плечо Приисковая – Куэнга до конца августа восемнадцатого. После падения советской власти ушел в тайгу в составе первого в Забайкалье партизанского отряда под командованием Ивана Кузьмича Бурдинского.

Отряд просуществовал недолго, был разгромлен, чудом остался жив Василий Михайлович. Но когда снова начали собираться партизанские силы, – он в первых рядах: в августе девятнадцатого уже командует Зиловским особым крестьянским летучим партизанским отрядом, ощутимо «щиплет интервента», объединяет вокруг своего отряда разрозненные партизанские силы и становится крупным вожаком: в апреле двадцатого в составе специальной делегации ведет переговоры с японским командованием на станции Гонгота, а с лета возглавляет все повстанческие силы в районе Сретенска, Нерчинска и Новотроицка. В октябре становится кадровым военным: назначается командиром 5-й стрелковой бригады Народно-Революционной Армии.

Но ненадолго. Облнарвоенкому виднее – вот и назначил его на главную милицейскую должность в области. На тот момент, 23 ноября 1920 года, Сокол-Номоконов всю милицию ДВР представлял в единственном числе. А задачу решить надо невероятно сложную: в кратчайшие сроки разобраться, что из себя представляют остатки созданной при семеновцах милиции, провести чистку и – самое главное – набрать свежие, революционного духа кадры для борьбы с преступностью.

Уже через месяц стала вырисовываться структура новой милиции. Помимо Забайкальского, создавалось еще четыре областных управления милиции: Прибайкальское, Приамурское, Амурское и Приморское. Организующим органом милиции Дальне-Восточной Республики стало учрежденное Главное управление милиции. Областные управления делились на уездные отделы (за исключением Забайкальского, в которое входили пять уездных управлений), а те, в свою очередь, – на участки во главе с участковым начальником милиции, которому подчинялись в каждой волости надзиратели милиции или волостные милиционеры. Вместе с тем, при каждом участке создавалась пешая команда в количестве 25 младших и 2 старших милиционеров. К тому же, при уездных отделах числилось по старшему и младшему агенту УР – уголовного розыска.

Читинская городская милиция выглядела посолиднее. С учетом того, что Чита – город столичный, особый статус получила – была выведена из прямого

подчинения Забайкальской областной милиции и напрямую подчинялась Главупру. При Читинской гормилиции были образованы отделение уголовного розыска, адресный стол, канцелярия начальника милиции. В состав городского управления входил и отряд конной милиции, для более спешного реагирования на разбойные вылазки. Читинское отделение уголовного розыска фактически являлось автономным, самостоятельным подразделением в системе правоохранительных органов ДВР.

Самостоятельно действовали железнодорожная и водная милиции. Первая свои функции в полосе отчуждения железной дороги выполняла постоянно, а водную разворачивали за две недели до начала навигации, и действовала она на водоемах еще три недели после вставания рек. На зимнее время в водной милиции сохранялся минимальный штат, по потребности обслуживания мест зимних стоянок судов, подчинялись эти милиционеры начальнику местной милиции – до весны, до ледохода.

Милицейские штаты предполагались немалые: в поселениях до 8 тысяч жителей – один милиционер на каждые 400 человек населения, если в населенном пункте жителей было больше, но не свыше 80 тысяч, то «к исчисленному составу» добавлялось еще по одному милиционеру на каждые 500 человек, а в городе с населением более 80 тысяч – один дополнительный страж порядка на каждые 600 горожан.

Проверка имевшихся в наличии милицейских сил вызвала вполне понятную чистку рядов, посему кадры в республиканские силы правопорядка потребовались в значительном количестве. Дело дошло даже до объявлений о наборе в милицию через прессу.

ГЛАВА 2

«Ввиду организации по области милиции срочно требуются знающие дело агенты милиции на должности как-то: начальников участков, их помощников и волостных милиционеров. Желающие поступить на означенные должности должны подать прошение, заверенное местным облинарревкомом, свидетельствующее о их безусловной честности и политических убеждениях. Порядок подачи прошений следующий: в г. Чите начальнику Вост. Заб. Обл. милиции, в уездах начальникам уездных милиций и в участках начальникам участковых милиций...»

Иван Иванович Бойцов, которому не так давно исполнилось 45 лет, силой и здоровьем себя обделенным не считал, но с октября прошлого года пребывал в безработных, по закрытию вследствие реорганизации Читинского уездного воинского присутствия. Больше года он исполнял при воинском начальнике секретарские обязанности, а теперь, вот, увы...

Отложив в сторону измятый, с оторванным на самокрутку краешком листа номер «Дальне-Восточной Республики» с объявлением о наборе на службу в милицию, Иван Иванович задумчиво окинул взглядом убогое убранство небольшой комнатенки. Через знакомого ее удалось задешево снять на втором этаже городского Вольного пожарного общества.

Здесь Бойцовы и расположились вшестером. За комнатенку платили мизер, но в скудном жаловании жены Бойцова, Екатерины Ивановны, и эти гроши создавали заметную прореху. Остальные копейки утекали на четверых ребятишек, старшему из которых, Кольке, неполных четырнадцать. Когда бы главе семейства с постоянной службой определиться...

Эти месяцы после увольнения Иван Иванович подрабатывал где только мог. Поначалу удалось устроиться возчиком на дровяные подводы, потом мешки на складах ворочал... Побросала судьба за пяток последних лет.

У матери их было трое, но в шестнадцатом младших сестренек в могилу свел тиф, а вскоре умерла и мать. Сколько Иван помнил, сердцем маялась, рано схоронив мужа и оставив здоровье на красильной фабрике в Красноярске. В столицу Енисейской губернии они перебрались из родного села Сулобузинское Красноярского уезда после смерти отца. Отец в свое время образование получил немалое – закончил четыре класса церковно-приходской школы. Свои знания всемерно старался детям передать. Поэтому домашнее обучение сделало из Ивана человека вполне грамотного.

К тому же, обнаружился у него и своеобразный дар – какое-то необыкновенное чутье на правильность и грамотность письма, красивый писарский почерк. Посему шестнадцати годов Иван взял письмоводителем к мировому судье. Помимо прочего, освоил, как дознание по уголовным делам проводить, другие юридические премудрости – через самообразование и подсказы грамотных людей.

Женился Бойцов поздно, двадцати девяти лет. Через два года родился первенец. Потом молодая семья в поисках лучшей доли переехала в Читу. Здесь родился в девятьсот девятом второй сын – Ванька, а в 1912 году жена принесла дочку, которую окрестили Зоей. Накануне мировой войны Бойцовы обзавелись пополнением – на свет появился Миша.

На русско-японскую войну Бойцова не призвали: работал тогда в уездном воинском присутствии, зарекомендовал себя с полезной стороны. Но когда загрела русско-германская, – мобилизовали в 720-ю пешую дружину ополчения, расквартированную на станции Даурия. Здесь канцелярскую полезность тридцативосьмилетнего новобранца вскоре заметили. Начальник воинской команды назначил Бойцова старшим писарем комендантского управления Даурского гарнизона.

Февральско-мартовские пертурбации семнадцатого... Гарнизон зашумел, солдатня сорвала голоса на митингах, избирая батальонные и ротные комитеты. Все нацепили красные банты, правда, вскорости снимали, но атмосфера накалялась, росли недовольство и злость, особенно против офицерских чинов и тех, кто подле оных ошивался.

Понятно, что штабных относили к таковым. На «писарчуков» всегда смотрели косо: пером скрипеть – не на плацу или полевых занятиях стынуть. К тому же, иные штабные солдатики порой без меры кичились своей привилегированностью и знанием того, что простой массе недоступно. Линейные (строевые) ополченцы, мягко говоря, зуб имели на канцелярских крыс, особенно с кончиной старых порядков. Хриплый вопль «Долой!» мог стать кое-кому и приговором.

От греха – подалее. Совершенно без оснований к тому Бойцов поддался уговорам двух сослуживцев из писарской команды: тайком укатили в Читу, домой, благо революционно митингующей Даурии ни до кого уже не было дела, дезертиры отваливали восвояси пачками. А Иван рвался к семье, осознавая, как в это смутное время он там нужен.

Устроиться в Чите удалось по своему профилю – помощником столоначальника в управлении городской милиции, а несколько месяцев, с марта до августа восемнадцатого, пока белочехи в Читу не нагрянули, Иван даже исполнял обязанности участкового начальника по 2-му участку гормилиции.

Потом Бойцов уволился – не мог он при белых в милиции работать. Политикой голова забита не была, но видеть творимый произвол и быть к нему даже косвенно причастным...

Подрядился грузчиком на дровяной извоз, пока в апреле девятнадцатого не открылась вакансия писца в Читинской уездной земской управе. Потом, совершенно случайно, встретил Иван своего бывшего даурского коменданта. Протекция последнего позволила заново поступить в воинское присутствие...

Многое вспоминаясь в эту вьюжную январскую ночь нового 1921 года Ивану Ивановичу. Подумалось, что вообще-то заманчиво звучит прочитанное объявление. Хотя... Кто знает, времена нынче смутные, могут придаться к былому секретарству в семеновской воинской конторе, пусть ничего там крамольного и не было, нудная писарская работа за кусок хлеба...

Иван отщипнул нагар с оплывшей свечи, свернул из газетного обрывка и ссуженной соседом-пожарным махры сигарку. Засветив земляничкой огонька, задул огарок и вышел на темную и холодную лестницу, чтоб домочадцев смрадом табачным не травить...

А с утра закрутили неотложные заботы о пропитании семьи. Знакомый сообщил, что опять есть возможность подзаработать на железнодорожных складах, за разгрузку вагонов якобы даже мукой могут рассчитаться. Бойцов поспешил на Читу-1, в железнодорожные тупики. Вернулся поздно, усталый и голодный, но крайне довольный заработанным – десятифунтовым мешочком серой муки. Жена встретила озабоченно:

– Ваня, тут до тебя приходили. Важный такой военный спрашивал...

– Военный? Важный, говоришь?

– Дюже, Ваня. При ремнях и нагане.

– А из себя какой?

– Круглолицый, в годах уже, усы щеточкой. Да! И в очках он! Сказал, что еще зайдет, завтра, часов в восемь вечера...

Назавтра Бойцов вернулся домой пораньше. Весь день он не мог отделаться от ощущения, что предстоящая встреча несет в себе нечто важное и существенное для него.

Так и оказалось.

– Нуте-с, давайте будем знакомиться. – Гость соответствовал портрету, который вчера нарисовала Ивану жена. – Фамилия моя Сокол-Номоконов, по имени-отчеству Василием Михайловичем зовусь.

– Иван Иванович Бойцов, очень приятно.

– Взаимно, взаимно, – пробасил коренастый, крепко сбитый, уже немолодой начальник областной милиции.

Шевеля прокуренными короткими усами, неторопливо снял круглые, в тонкой металлической оправе, очки, протер их большим платком, так же неторопливо убрал платок в боковой карман широких темно-синих диагональных бриджей. Очки снова водрузил на переносицу.

– Представляться по должности, как, надо?

– Да нет, – улыбнулся Бойцов: – Вы фамилию сказали, а об остальном слышан, в газете читал.

– Об остальном, говоришь? Это о чем же?

– Каким партизанским командиром были, и что сейчас милицию организуете...

– Вот тут ты, паря, в самую сердцевину попал! – хлопнул обеими ладонями по подолу длинной, затянутой ремнем с портупеей, темно-зеленой коверковой гимнастерки Сокол-Номоконов: – За тем к тебе и наведался. М-да... Ну, дак, вот! О тебе, Иван Иваныч, я ведь тоже не только от добрых людей слышан. Мы ж, паря, с тобой и знакомы даже немного. Не припомнил?

Василий Михайлович хитро прищурился.

– Когда ты в гормилиции служил, я, брат, тоже милиционерствовал на станции Кузнга. Вот так! Случалось в конторе вашего второго участка бывать по служебной надобности. Не припомнил еще? А я тебя вспомнил сразу! Списки чинов гормилиции просматривал на днях и вспомнил. Понятно, что еще справки кое-какие навел... Да ты не удивляйся! Как хотел-то? Я ж тебя на серьезное дело пригласить настроен. Почему и решил до тебя самолично наведаться.

– Память у вас отменная, – виновато улыбнулся Бойцов. – А я, вот, совершенно не помню, когда и по какому делу встречались.

И тут же, посерьезнев, подобрался.

– Слушаю вас внимательно, Василий Михайлович.

Он уже догадывался, что предложит начальник областной милиции. Такое внимание польстило. Ишь ты, сам взял и пришел. А мог бы и вызвать повесткой или через посыльного. Иван Иванович даже растерялся как-то, не получалось собраться с мыслями. Но в догадке не ошибся.

– Думаю на работу к себе в милицию тебя позвать. Пойдешь? – Сокол-Номоконов испытующе авинтил глаза в лицо Бойцова.

– Отчего ж не пойти. Пойду! – не раздумывая, ответил тот.

– Молодец, цену не набиваешь! Вот и славно! – опять хлопнул себя Сокол-Номоконов и поднялся с табуретки. – Давай, паря, завтра с утра подходи. На Большой улице полутровский дом знаешь? Во, там мы пока и расположились, в хоромах МВД. Подходи! Даже если за ночь передумаешь, а то согласился-то быстро...

– Я еще до вашего прихода о милицейской работе думал, так что готов сразу с прошением придти.

– Как-как? А-а... С прошением, говоришь... Ну, давай, подходи с прошением! – На широкоскулом, навсегда потемневшем от загара, обветренном лице

промелькнула улыбка. – Так что, уважаемый ты мой Иван Иванович, завтрашним утром милости просим!

И протянул, прощаясь, короткопалую, не по возрасту крепкую в пожатии руку.

– Господи ты боже! Совсем что-то я! Василий Михайлович, может быть, чаю? – спохватился Иван Иванович, смущаясь. – Вы уж простите, нескладно как-то принимаю...

– Нет-нет-нет! – замахал руками Сокол-Номоконов. – Дела ждут. Спасибо за приглашение. Думаю, еще почаевничаем, и не раз. Бывайте здоровы, товарищ Бойцов. А завтра жду непременно! Хозяйке от меня – поклон.

Гость ушел, простучав сапогами по гулкой лестнице.

Иван Иванович поставил на печурку чайник, порылся, улыбаясь набегавшим мыслям, в неказистой тумбочке нашел четвертушку серой бумаги, достал чернильницу с медной крышечкой. Из картонной коробочки вынул ручку-вставочку, провел пером по пальцу, сморщившись, искал в коробочке новое, заменил.

Пристроившись на краю тумбочки, поближе к огню, красивым почерком вывел: *«Тов. Начальнику Восточно-Забайкальской областной милиции гр-на Ивана Ивановича Бойцова ПРОШЕНИЕ.»*

Ровной чертой подчеркнул прописные буквы заголовочного слова, поставил в конце обращения точку. Знал: для человека образованного эта точка – первый знак: пишет прошение не деревня темная, а незаурядной грамотности проситель.

Иван снова улыбнулся, обмакнул перо в попувысохшую чернильницу и, посерьезнев, дописал: *«Согласно извещения начальника милиции («Дальне-Восточная Республика» от 31-XII-1920 г., № 188) предлагаю свои услуги в качестве служащего милиции на должность, какую Вы, товарищ начальник, найдете со своей стороны возможным представить мне...»*

Забурлил чайник, пуская из носика паровозные клубы пара. Иван Иванович, очнувшись, глянул на луковицу карманных часов. Бог ты мой, пора Катю с детьми встречать! Жена вечерами мыла полы в управлении железной дороги, а ребяташки помогали матери.

...Когда домочадцы шумно пили чай, а потом укладывались спать, Иван Иванович ничего о поступившем ему предложении говорить не стал, только утром с женой поделился и видел, как она обрадовалась. Еще бы, ведь милиционерам паек выдавался по рабочей норме, опять же обмундировывали на казенный счет.

Потом Бойцов отправился с прошением прямо в Министерство внутренних дел, расположившееся в каменном трехэтажном доме, ранее принадлежавшем домовладельцу и читинскому купцу первой гильдии Д.В. Полутову, почему здание так и называли по-старому (как, впрочем, и другие читинские дома – в зависимости от бывшего или нынешнего домовладельца, хотя строения уже получали уличные порядковые номера) – дом Полутова по Большой улице, при том, что его основной фасад красовался по Софийской, выходя высокими арочными окнами на Новособорную площадь с громадой Александро-Невского кафедрального собора.

В приемной Сокол-Номоконова произошла неожиданная встреча.

За столом сидел Григорий Наумович Савво, который в восемнадцатом году служил столоначальником читинской гормилиции, – у него Иван в помощниках ходил! И потом, год спустя, он же принимал на работу Бойцова в земскую управу. Куда тоже из милиции при семеновцах перешел.

Иван, широко улыбаясь старому знакомому, отметил, что Григорий Наумович приобрел еще большее сходство с Гоголем. Литографический портрет писателя Иван запомнил с детства – видел в книжке, когда читали с отцом про кузнеца Вакупу и черевички императрицы.

Однако, бывший столоначальник больше смахивал на крайне исхудавшего классика русской литературы. Нездоровый румянец заливал впалые щеки Савво. Да и вряд ли автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» сподобился бы носить потертый английский военный френч и сагиновые черные нарукавники.

Савво, как и раньше, сдержан, немногословен, но встретил Ивана приветливо, пробежал глазами прошение, кивнул удовлетворенно:

– И правильно.

У Ивана было желание поговорить с Григорием Наумовичем, вспомнить старую службу, но тут в дверях соседней комнаты показался Сокол-Номоконов.

– Товарищ Бойцов! Приветствую. Проходи, проходи...

В служебном кабинете начальник областной милиции официален и строг. Важно принял из рук Бойцова прошение, сразу же углубился в чтение. Только минуты через три оторвался от бумаги, усмехнулся. Начальственным тоном, с расстановкой, резюмировал:

– Прощение твое, Иван Иванович, прочитал внимательно. Накатал, брат, ты изрядно. – Сокол-Номоконов покрутил густо исписанный с двух сторон лист. – Но подробность нам и требуется. Так, значит, при белочехах и семеновском отребье служба не с руки оказалась? Но нынче не белочехи и не атаман, так, Бойцов?

Глаза большого милицейского начальника, увеличенные толстыми стеклами очков, казалось, сверлили Ивана насквозь.

Иван кивнул.

– Что с милицейским делом знаком, это – ой, как кстати, – продолжил Василий Михайлович. – Работы – край непочатый! Но вот, брат, оказывается, что у милицейского начальника служба-то больше бумажная – сам видишь, в ворохе бумаг тону. И не знаю, прям, что делать! Короче, по бумажной части особенно зашиваюсь.

Сокол-Номоконов сокрушенно оглядел свой огромный стол.

– Так что... Думаю взять тебя к себе в помощники. Грамотных у нас негусто, а тебя Савво как раз таким и характеризовал, к правильному оформлению канцелярских дел склонным. Ну, как, справишься? Давай, Бойцов, не боги горшки обжигают! Посему такую резолюцию на твое прошение налагаю...

И, обмакнув перо толстой костяной ручки в ампирную латунную чернильницу, вывел на прошении Бойцова зелеными чернилами в верхнем левом углу наискосок: *«Назначить помощником начальника областной милиции, отдать в приказе с 15-1-21 г. Написать представление в Управление внутренними делами. 13-1-1921 г.»*

И размахисто, не жалея места, подписался: «Сокол».

Крикнул громогласно, по-командному, Савво из приемной, передал вошедшему завизированную бумагу:

– Возьми-ка, Григорий Наумович, сие прошение, оформи согласно резолюции, дабы сегодня у Герасима Ивановича наше представление на Бойцова оказалось без затяжки. Будет готово – заноси, подмахну!

Повернулся к Бойцову

– А ты расскажи Григорию Наумовичу для бумаги нашей свои биографические подробности. Ну, а завтра, милости прошу, к службе приступать. Товарищ Савво насчет места тебе определит, по пайку, по обмундированию. Что, дружок, не помешало бы это, а?

Негромко засмеялся, щурясь, протянул руку.

– Давай, Иван Иваныч, поработаем-послужим!

Первый служебный день начался для Бойцова с суматохи и круговерти. Решение поступило сверху: управление облмилиции перекочевывает по новому адресу, с министерского поста, стало быть, съезжает. Тут в трех комнатных сидели, а теперь выделили целый дом на углу Александровской и Корейской улиц.

Собственно, насчет областного управления звучало куда как громко. Весь штат-то – пять человек, включая Савво, представлявшего в едином лице общий отдел и канцелярию облмилиции. Как помощник начальника, Иван, вроде бы, тому напрямую и должен подчиняться, но без Григория Наумовича пока чувствовал себя не в своей тарелке, потому и определил себе Савво за старшего.

Впрочем, оно так на так и выходило – поручения начальник давал обычно, если это документов касалось, через Савво, а Ивана гонял лишь в качестве курьера-посыльного.

Помимо них, канцеляристов, и самого начальника, оставшийся штат управления представляли старые боевые сослуживцы Сокол-Номоконова – Георгий Михайлович Кожин и Андрей Николаевич Голобоков. С ними Бойцов общался редко – оба инспектора, как они назывались по должности, практически не вылезали из разъездов по области, налаживая дело с организацией милиции в уездах или, как принято было говорить, – на местах.

Когда удавалось собраться вместе, и Сокол-Номоконов проводил совещания, обмен мнениями показывал Ивану, что в деле создания основ управления областной милицейской структурой он разбирается лучше, чем его коллеги. Прошлый, пусть и небольшой милицейский опыт помогал. А бывшие партизанские командиры видели на местах не милицейские отделы, у которых очень много в работе значит опрос населения, скрупулезное создание цепочки информаторов и помощников из народа, а некие летучие отряды, которые выскакивали бы махом на громкое происшествие и наводили порядок железной рукой.

Ну никак не получалось убедить партизанскую троицу, что облава и прочесывание местности, конечно, нужны, но зачастую в раскрытии преступлений излишний шум-гам, молодецкий кавалерийский наскок ничего не дают, а вред могут принести изрядный.

Но хорошо было уже то, что хоть в чем-то прислушивались. Зато в другом цени бывшим партизанским вожакам не было: с присущими им боевым настроем и напором они смело, не откладывая в долгий ящик, брались решать сложнейшие вопросы снабжения милиции оружием и боеприпасами, вещобмундированием, фуражом и конской амуницией. И горячо агитировали вступать в милицейские ряды своих бывших соратников по партизанской борьбе.

В общем, правильно понимали главное – без крепкой и оснащенной милицейской силы, и немалочисленной, а такой, какая потребна на забайкальских просторах, никаких заметных результатов в наведении порядка и установлению спокойствия в селах, поселках, деревнях, станицах и на городских улицах не добьешься. К тому же, зарождающейся уездной милиции приходилось чаще других выполнять задачи не совсем милицейские. Серьезную опасность представляли недобитые охвостья банд атамана Семенова и барона Унгерна, налеты на пограничные села и станицы хунхузов – китайских бандитов из-за кордона.

Постепенно новая народная милиция вставала на ноги. Именно народная, как особо выделил, выступая на первом совещании с новыми начальниками уездных милиций и участков, Сокол-Номоконов:

– Без крепкой смычки с самыми широкими народными слоями, товарищи, милиция существовать не может. Вернее говоря, существовать-то, однако, будет, а без толку. Ворье и другие самые различные шайки всякого сброда будут творить свои черные и пакостные дела, лить народную кровь, если мы не станем плотью от плоти народа. Революционная милиция в свободной республике обязана быть народной не только по названию, а такой милицией, которая народ защищает и оберегает от преступного зла. Мы – не старая самодержавная полиция, которая хватала и бросала за решетку людей не столько за украденное, сколь за правдиво сказанные слова. Нам же надо с настоящей нечистью покончить! И если люди в нас будут верить, верить, что мы придем на помощь, защитим, тогда и они нам завсегда просигнализируют о преступном элементе, сообщат, где, когда и кем готовится преступное дело. Без таких сведений мы с вами, товарищи, никогда с преступностью не покончим, сколь бы мы боевых своих сил не выставляли на улицах и трактах, сколь бы не устраивали облавы и не бомбили притоны и морфинилки. Поэтому людям надо кропотливо разъяснять, что мы не прислужники буржуазной республики, а народная милиция, для простого человека в первую очередь, тем паче, что наш буфер – явление явно временное, и Советская власть – наша недалекая, уверен, перспектива. Симпатии народные, сами видите, на нашей стороне, это, товарищи, мы обязаны до глубины души ценить и чтить. И отвечать делом!..

К апрелю 1921 года, несмотря на все трудности, отчетливо начала прослеживаться определенная милицейская структура. Уже были созданы все пять уездных милиций: Нерчинская, Нер-Заводская, Алек-Заводская, Акшинская и Читинская. Формировалась и шестая – в Сретенске.

Понятно, что в столице ДВР милицейских сил набиралось поболее, чем где-либо: обстановка этого требовала. За четыре неполных месяца по учетам

прошло почти 400 преступлений, и львиная доля их приходилась на Читу. И это еще не все сообщения с мест доходили. Отвратительно работала связь, даже телеграф.

Иван Иванович Бойцов, ставший к тому времени еще и заведующим инструкторско-ревизионным отделом облмилиции, со связью крайне намучился. Делешу срочную передать в уездный центр – головная боль!

А с мест вообще можно было вместо сообщения абракадабру получить! Случались такие казусы, что даже газеты их использовали в качестве тем для фельетонов и ироничных заметок.

Недавно всей компанией хохотали над свежим номером «Дальне-Восточной Республики». С ехидцей корреспондент рассказывал, как областное бюро союза молодежи направило из Читы телеграммой разъяснение в Шилку: *«Шилкинский комитет существует правах района непосредственная связь Читой Оббюро местами должна поддерживаться Райком руководит работой местных организаций»*. В Шилке, смеется газетчик, телеграмма была получена в следующем искаженном виде: *«Шилкинский комитет не существует правах работы непосредственная связь Читой оббюро литеррами должна поддерживаться тайком руководить работой литерных организаций»*. И смех, и грех!

Усердный шилкинский телеграфист, прочитав оное, даже позвонил о таинственной телеграмме в местный нарревком, мол, не контрреволюцией ли запахло...

Впрочем, политизация общества чувствовалась буквально во всем. Газеты пестрели агитационными материалами различных партий и блоков, всевозможными способами стремились получить большее влияние на умы и сердца забайкальцев. На глаза Бойцову недавно попался очень характерный образец такой агитации. Орган Заоблбюро РКП(б) «Дальне-Восточная правда» под броским заголовком «ЛИТЕРАТУРНЫЙ СУД НАД ЛЕНИНЫМ» сообщала: *«Сретенск, 27 (Дальта). 15 апреля в большом городском театре прошел с большим успехом литературный суд над Лениным. Защитник обвиняемого Воскобойников своими вескими аргументами довел сретенского прокурора до того, что последний, дабы сгладить создавшееся не в пользу его настроение со стороны слушателей, вынужден был заявить, что он – тоже коммунист и только исполняет роль противника на суде. Под шумные аплодисменты суд закончился полным оправданием Ленина»*.

Бойцов подобное относил к казусам. В литературные и теоретические тонкости публика на подобных зрелищах обычно не вдавалась, довольны обычные эмоции и настроения толпы. Побеждали симпатии.

Аналогичная картина наблюдалась и в создаваемых милицейских органах. Ивана Ивановича, с военной службой знакомого, удивляла и раздражала царящая в коллективах милиционеров непонятная смесь единоначалия и коллективных общественных решений буквально по всем вопросам деятельности милиции.

Основную массу милиционеров, не говоря уже о милицейских начальниках разного калибра, составляли бывшие партизаны, предпочитавшие начальника-

командира себе избирать на общих собраниях. Кого уважали или кто больше нравился, кто командиром был в боях или у кого глотка самая луженая, а кулак самый тяжелый.

Как правило, за последнее пока уважали более всего. Естественно, что избранный начальник считал своим долгом с подчиненными советоваться. А кто, так сказать, начинал гнуть свою линию, долго в начальниках не задерживался – переизбирали! В общем, собраний и митингов хватало. И затягивались они иной раз до полуночи. Накалялись страсти, кипели эмоции – до службы ли...

Звучали на собраниях и митингах, конечно, и дельные мысли. Да только тонули в ворохе обсуждаемых сиеминутных проблемок.

Недавно, например, Бойцов побывал на собрании коллектива служащих Читинской городской милиции. Сокол-Номоконов послал, опыта набираться.

Председательствовал на собрании помощник начальника Капустин, большой любитель бронзовым колокольчиком бряцать за столом президиума:

– Товарищи госмилиционеры! Приступаем к рассмотрению повестки дня сегодняшнего собрания. Первым вопросом разбор заявления гражданина Мельничук о принятии оного на должность младшего милиционера...

– Но-ка, пусть покажется! Вставай, Мельничук, перед народом! Биографию расскажи! Партизанил или под подолом у бабы отсиживался? Давай, паря!.. – тут же полетели из зала выкрики.

Поднялся сконфуженный, крестьянского вида мужик средних лет, о себе рассказал коротенько и незамысловато. В Читку из деревни полгода назад приехал на заработки, но ничего постоянного из работы не имел. Не партизанил, но из сочувствующих – помогал продовольствием быркинскому отряду, партизанские разведчики ночевали у него. Тут же постановили, что препятствий к приему в милицию нет, дать ему, Мельничуку, месячный испытательный срок, тем паче, что один из милиционеров, Кузьма Бекетов, на собрании за Мельничука поручился, потому как сам его привел на службу устраиваться, – живут в соседях на Дальнем вокзале.

Вторым вопросом собрание проревизовало приказ начальника 4-го участка о выдаче служащим участка в кредит книжек на воду.

– Ишь ты, как завернул! Прямо министр! – смеялось собрание, когда Капустин разъяснил, что участковый начальник такое решение принимать права не имеет, потому что есть соответствующие указания Министерства труда. Так и постановили: рекомендовать начальнику 4-го и других городских участков неправомочные решения не принимать, а действовать согласно указаний Минтруда.

– Слушаем очередной вопрос повестки дня. Тише, товарищи, кончай гвалт! – председательствующий яростно бряцнул колокольчиком, нахмурившись, пошелестел бумагами и поднял над головой помятый лист.

– Тиха-а! Вопрос, товарищи, не из приятных! Прямо скажу, нехороший!

– Не тяни! Чо там?

– Товарищи! К нам поступило... вот оно... отношение от начальника 2-го участка об откомандировании служащей там Елены Яковлевой как несоответствующей своему назначению...

– Каво? Чо, как баба, што ли, не может, ха-ха-ха! Како там у нее назначение?

– Хорош тут балаган разводить! – отрезал, поднявшись с четвертого ряда, сам проситель. – Грамоты нет, куда секретарить? Терпел я, товарищи, сам за нее бумаги выправлял, но куда же! Я пока не министерство социального призрения...

– А на хрена такую брал? Небось фигуриста да на личико смазлива, а? Родню-то любую стерпел бы, хошь и вааще дремучую! – продолжал веселиться зал. – Не министерство у него! Тожа, небось, в министры, как начальник четвертого, наметился, а?

– Да не брал я ее! – красный, как рак, оправдывался, уже прокляв себя за поданное отношение, начальник неграмотной секретарши. – Пришел, уже она там сидела...

– Мы пошли б на посиделки,

– Да там кавалеры мелки!.. – тут же пропел кто-то с последних рядов, на что зал прямо-таки обвалился гоготом.

Окончательно раздавленный насмешками, заявитель махнул рукой и сел на место, низко опустив голову.

– Тише, товарищи, тише! Давайте посерьезнее! – казалось, колокольчик у Капустина сейчас оторвется от деревянной ручки и улетит в зал. – Хватит орать и частушки горланить! По Елене Яковлевой резолюцию принять мы обязаны! Тем более, что от ее неграмотности страдает дело. Или непонятно?

– Да ясно все, давай, ставь на голосование, а то уже второй час сидим тут! – крикнул тот же чернявенький, что частушку затягивал.

По Яковлевой резолюцию приняли. Уволить, как негодную для секретарской работы. Конечно, высказался вдогонку кто-то, мол, ежели бы пришла на собрание да попросила коллектив, а и не явилась, проигнорировала!

Бойцов очумело вертел головой по сторонам. Посылая его на собрание, Сокол-Номоконов напутствовал, дескать, погляди, послушай, какие проблемы, нужды у милиционеров. Хм, шел на серьезное мероприятие, а попал в циркшапито!..

– На этом, товарищи, повестка дня собрания исчерпана. Справки и вопросы к президиуму имеются? – чисто для проформы спросил председатель собрания, собирая бумаги и задвигая стул.

– А как же! Имеются! Дайте слово! – к трибуне направился жилистый рыжеватый Бояршинов из отделения уголовного розыска. Поднялся на ступеньку перед трибуной, левой рукой ухватившись за ее бортик.

– Сказать хотелось бы вот об чем, товарищи... – Он замолчал, обвел зал глазами, повернул голову к столу президиума. – Заковыка, товарищи начальники, стало быть, имеется сурьезная! А речь веду об арестном помещении при гормилиции. Это что же, товарищи, делается! Извините за грубое слово, но тамошние надзиратели ни хрена ведь мышей не ловят! Зайдите туда, особливо к вечеру, полное разгильдяйство! Арестованным дана свобода действий! Куча мала всякой родни набегаает, мамки-няньки гужуются сколько и когда хотят! Полная, стало быть, свобода в обращении арестованных с родней и приятелями...

– Точно, точно! Так все и происходит! – выкрикнул, приподнявшись, дружок Бояршинова Васин, тот самый чернявый частушечник. – Об чем угодно пре-

ступному элементу сговориться на свиданках запросто! Времени дадено сколь хошь, присмотра нет! А начинашь надзирателям говорить – куды с добром! Нос воротят, мол, сами с усами! Зажрались там... Ни-ка-ко-го надзора нет!

– Усядь ты, ядрена вошь! – прикрикнул на дружка Бояршинов. – Дай сказать, чес-слово! Так вот, продолжаю. Во всем этом, принимая во внимание и сказанное Васиным, вижу огромный вред делу расследования. При такой постановке надзора и связь у арестантов налажена, да и сбежать труда не составит. И мы... Далеко ли продвинемся в дознавательстве? Разве можно всех соучастников, например, того же ограбления, выцапать, если у них постоянный сговор идет? И завсегда возможность имеется наказ передать на волю: куда затырить или кому продать награбленное...

Взопрев от столь длинной для него речи, оратор смолк, махом вытер рукавом лицо в россыпях веснушек.

– А Федьна дело гуторит! – снова вскочил Васин, ударив кулаком о ладонь. – Там бы надзирательский состав почистить не мешало! Понятно, без магарыча не обходится, потому они и поблажки арестантам устраивают, а с нами всеми через губу разговаривают!

– Правильна-а!

– Давно пора потрясти котляр жирных!

– Они там, небось, давно окопались, чай, еще при атамане народ гноили!..

Капустин с раздражением проводил глазами оставившего трибуну Бояршинова, многозначительно повел взглядом на Бойцова, сидевшего среди милиционеров на павке у окна, мол, видал, орлы какие тут, снова затряс колокольчик:

– Товарищи! Хватит галдеть! Поступило важное, повторяю, очень важное дополнение! – Произнес это столь многозначительно, что зал быстро стал успокаиваться.

Председательствующий, ободренный такой реакцией собравшихся, продолжил:

– Есть предложение прения по данному вопросу, заостренному товарищем Бояршиным и товарищем э...

– Васиным! – подсказали из зала.

– Ну, да. Так, вот. По товарищами Бояршиновым и Васиным поданному вопросу прения предлагаю прекратить, а постановить следующее...

Капустин, скромно улынувшись, показал залу неровно исписанную четвертушку бумаги:

– Я тут проект резолюции набросал накоротке...

– Читай!

– «Просить начальника городской милиции в срочном порядке принять меры к устранению беспорядков в арестном помещении». Таков, собственно, вариант...

– Голосуем!

Голосовали единогласно. Но и это не положило конец собранию. Несколько человек, друг друга не слушая, подняли жгучий вопрос – о невыдаче пайка. Вернее, о том, что, коли возможности регулярной выдачи продпайка нет, то надобно изыскать способ приобретения хотя бы мяса и жировых веществ, мыла еще.

Постановили возбудить ходатайство перед Главным Управлением Милиции об отпуске отделу снабжения хранящихся в пакгаузе кирпичного чая, отреза крепа и 145 кусков мыла для обмена на мясо и жиры. Но чтобы часть мыла была по получении из пакгауза выдана на руки.

Приняли и еще одну резолюцию: по порядку приема на службу – упрек Главному Управлению, мол, почему часть служащих принимается без ведома коллектива. Постановили просить начальника придерживаться общего порядка и войти в ходатайство о получении разъяснения, как подчиненные должны обращаться и называть своих начальников.

Собрание закончилось полночь. Бойцов вышел с него совершенно одуревшим. Но в памяти остались выступления Бояршинова и Васина, дельные вещи говорили, для непосредственной работы по розыску и следствию важные.

Так и рассказал начальнику все поутру. Сокол-Номоконов внимательно выслушал, и не перебивал, и ничего не сказал. Зато дал ответственное поручение: еще раз изучить все материалы состоявшегося в марте первого съезда начальников областных и железнодорожных управлений Народной милиции ДВР, особо обратив внимание на принятую съездом специальную директиву по реорганизации уголовного розыска, которая требовала провести незамедлительную проверку благонадежности агентов угро, принять меры к немедленному восстановлению системы регистрации преступников и преступлений.

Иван Иванович помнил, что раньше, когда он еще начинал работать в милиции в восемнадцатом, существовало при городском управлении уголовно-разведывательное бюро. Там накапливались сведения не только обо всех проживающих в городе преступных элементах, но и местах их сборищ, притонах, всяких подозрительных домах. Теперь же, увы, от былых сведений остались крохи. Что-то пытался собрать помначальника городского отделения уголовного розыска Сметанин.

Поручение же Сокол-Номоконова заключалось в том, чтобы на основании всех изученных материалов Бойцов и Сметанин приступили к составлению инструкции-наставления для работников уголовного розыска. Разработка этого документа – прямое указание самого Колесниченко.

– Задачу нам с тобой, Иваныч, далеко непростую выдали, – говорил, прихлебывая чай из потрескавшейся фаянсовой кружки, Сметанин.

Он был старым спецом угро. И партизанские порядки в создаваемой милиции ему не нравились. На выражения Сметанин был резок, авторитетов среди новоявленных милицейских начальников не признавал, мог любому из них высказать в глаза свои неприятные суждения о той или иной проведенной операции, разнося в пух и прах неумелость и дилетантство.

Начальнику угро Гадаскину, ностальгирующему по кавалерийской лихости былых партизанских побед, замечания и суждения Сметанина были крайне неприятны, поэтому он с радостью сплавил Петра Михайловича на бумажную работу, пусть и временную. «Нехай инструкцию лишет! Больно умный, можа, и мы поузмеем, олоспя, как его вирши прочитаем!» – съязвил Гадаскин, у которого со Сметаниным с первого дня взаимная антипатия сложилась.

А Бойцову Сметанин приглянулся. Аккуратный в документах, думающий. И такая память! Многое порассказал он Ивану Ивановичу, по полочкам разложил весь не понаслышке знакомый ему уголовный мир Читы. Иван Иванович узнал о шайках домушников и карманных ворах, о грабителях-гопстопниках, об имеющейся в городе паутине барыг – скупщиков краденых вещей, и помогающих им изменить-перелицевать умыкнутые вещички тихих жуликоватых портных, о городских конокрадах и гадалках из Кузнечных рядов...

Сметанин вслух прочитал написанный им в инструкции первый параграф: *«Искусство уголовного розыска заключается в особом умении применить различные средства, способы и приемы для раскрытия совершенных и предупреждения готовящихся преступлений».*

– Понимаешь, Иваныч, для сотрудника уголовного розыска особое умение не должно быть пустым звуком. Оно должно заключаться в том, чтобы обнаруживать истину содеянного законными средствами. Вот задержали мы человека по подозрению в совершении, допустим, кражи. Но до конца еще не знаем, он или не он это сотворил. И вот тут, согласись, надо уметь его расколоть. Наскочить на него, как говорится, с шашкой наголо, мол, или все, как на духу, или голову с плеч – бесполезная трата времени! Хуже того, под страхом или пыткой многие и в том, чего не совершали, признаются. Но в таком случае мы уже не сыскари, а точно такая же шайка разбойников, как и те, с кем боремся. Понимаешь мою мысль?

Бойцов кивнул. Чего ж тут было не понять. Когда, в общем-то, неплохой человек, Илья Гадаскин, со зверским лицом, не выбирая выражений, до хрипоты орет на задержанного, требуя признания, – ей-богу, никакой гарантии нельзя дать, что не выхватит наган да не пальнет в арестованного. И потом, после этих допросов, как удержаться от опасения, что признание выжато липовое, а настоящий преступник в стороне остался?

Спокойной скрупулезности в работе пока маловато. Боевые наскоки, облавы и рейды... Обычно собирали милиционеры по базарам и притонам рыбешку мелкую – бродяг-воришек, шулеров-одиночек, в китайских забегаловках – трясущихся морфинистов и вялых курильщиков опиума, разгулявшихся в пьяном кураже мужиков с окраин, навешавших друг другу или домочадцам фонарей и плюх.

В Чите же участились дерзкие налеты на магазины и лавки, квартиры зажиточных горожан. Все опаснее становилось на сбегаящих с хребтов в столицу ДВР трактах – одиночными подводами крестьяне уже ездить не рисковали, сбивались в обозы, вооружались ружьями и топорами для отпора лихим людям. Уголовники, наглея от безнаказанности, орудовали в городе и его окрестностях с нарастающим размахом.

Фанфаронства главе МВД Знаменскому хватило еще на два месяца. Потом его из министров наладили, высказав на заседании Правительства немало суровых, крайне болезненных для его чиновничьего самолюбия упреков по поводу разгула преступности и его самоустраненности от руководства милицией, ее обеспечения, заодно обвинив в обуржуазивании, склонности покутить, людей не стесняясь.

«Боже мой, какова же людская зависть и неблагодарность!» – думала, всхлипывая, Вероника Иннокентьевна, уже привыкшая к шоколадным подношениям и другим, более весомым, знакам мужского внимания со стороны теперь уже бывшего министра.

И очень ревниво встретила новое начальство – Евгения Михайловича Матвеева, до этого занимавшего должность товарища министра, то есть заместителя Знаменского.

Многим, не только в Чите, но и по Восточной Сибири и Приамурью, новый министр внутренних дел был известен давно. Коренной забайкалец, юрист по образованию, Матвеев еще в 1918 году, когда в Чите установилась власть Советов, был избран первым комиссаром внутренних дел Забайкальского облисполкома, в котором вместе с видными деятелями революционного движения в Восточной Сибири Г.Т. Перевозчиковым и Н.В. Сундуновым возглавлял комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

После образования ДВР был назначен товарищем министра и одновременно начальником административного управления Минвнутридела.

Теперь товарищем министра к Матвееву утвердили Михаила Даниловича Иванова, тоже из коренных забайкальцев, кавалера трех Георгиевских крестов за храбрость, полученных в германскую, известного на Дальнем Востоке партизанского вожака, выгодно отличавшегося от большинства собратьев по оружию умением тщательно оценивать и взвешивать все «за» и «против» в любом деле, никогда не принимавшем решений с кондачка.

Партизаны, воевавшие с Ивановым, сильно уважали его за то, что из боев его бойцы всегда выходили с минимальными потерями, побеждали малой кровью.

– Это, Иваныч, уже ветерок перемен подул! – обрадованно говорил Бойцову его наставник Сметанин. – Ишь, как кадры-то тасуют! И поделом! Конечно, разве барина Знаменского сравнить с Матвеевым? Этот коку с сохой попробовал! Не по тылам ошивался! И Данилович ему напарник добрый, не чета нашим «кавалеристам»... Смотри, Иваныч, о чем сразу речь пошла – о законе, милицейские функции и права определяющем, об учебе молодежи, которую на службу принимают. О перспективе службы, значит-ца! Профессиональной перспективе, а не партизанской самодеятельности.

– Про наметки об открытии милицейских курсов, Петр Михайлыч, я вообще-то слышал, дело нужное. Милицейской грамотности пополнению очень не хватает. Тем паче, что учить надо новую, народную милицию, для которой старые полицейские методы в принципе не годны!

– В принципе, может, и да... Но, думаешь, среди старых чинов полиции все были держимордами? Отнюдь! Застал я еще те времена... Не вся полиция за политическими гонялась, милый ты мой! Уголовников и при царе было, как грязи. Но, между прочим, старый уголовный розыск был нам, нынешним, не чета! М-да! Душой люди за дело болели! Таких сейчас на службу позови – пойдут! И будут учить на совесть. А умение с оружием обращаться, стрелять, врага, как зверя, скрадывать – так тут хороший партизанский навык очень даже кстати будет. Опять же, с первых дней новичков к дисциплине приучать необходимо! Недисциплинированный милиционер – беда для дела, разгильдяй! Во вкус вла-

сти войдя, в два счета под свою выгоду любой закон подомнет! Потому во время учебы самый резон – заодно проверить новичка на дисциплинированность...

– Интересно... И как ты его проверишь? Человек только что поступил на работу, понятное дело, осторожничает на первых порах, приглядывается...

– Ваня, ты же знаешь, уж если человек по характеру разболтан – скоро проявится! Не так ли в солдатской казарме, а? Должен же ты помнить...

– Согласен! – засмеялся Бойцов. – Получается, вроде, как сито. Сорный человек тогда на службу в милицию не попадет.

– Именно! Потом, вот, смекай, Иваныч, – возьмем, к примеру, ученый люд, который юридическим тонкостям в университетах учился. Тоже в обучении милицейской молодежи пользу бы ученые-юристы принесли, особенно в криминалистическом плане, с научным, знаешь ли, подходом. Для того, чтобы при расследовании преступления умели ребята ни одного следа не утратить, все на заметку взять и для поиска преступника обратить. Уликами преступника припереть, а не на горло или кулак брать! А когда кулак в ходу – мы не милиция народная, а средневековая инквизиция, от которой даже честный человек, как черт от ладана, будет шараться...

– А вот ты бы, Петр Михайлыч, пошел бы на курсы преподавать?

– Я-то? Как тебе сказать... – Сметанин помедлил, призадумавшись. – Вряд ли. Видишь ли, какое дело... Я всегда на практической работе был, к этому, думаю, больше способен. У меня душа горит на бандитскую мразь! А с указкой между партами разгуливать... Не по мне это, не по мне... Хотя, Иваныч, дело это стратегическое! – предостерегающе поднял палец Сметанин. – И не помешало бы каждому в чем-то подучиться, а?

– Оно-то, может быть, и не помешало бы, – кивнул Бойцов. – Да годы уже – эге-ге-гей... Старею! Да уж... А настоящего дела и не видел еще! Стрелять могу, силой не обижен, навык, думаю, кой-какой в сыске имею. Так нет! Червь бумажный! – Иван Иванович с раздражением оглядел разложенные по столу бумаги. – Как же вся эта писанина мне осточертела! Я уже два рапорта Василию Михайловичу написал с просьбой меня от канцелярщины освободить, а направить хотя бы к вам, в уголовный розыск...

– Хорошая мысль! Давай-ка по этому поводу чайку организуем! Мне тут супруга шанег напекла, почаевичаем. А, Иван Иваныч? – Сметанин раскрыл выдавший виды клеенчатый портфель, вынул чистенький узелок, распутал его.

Бойцов весело загремел чайником, побежал в коридор, где в закутке по-пыхивал паром небольшой водяной титан...

ГЛАВА 3

Молодой и гибкий паренек, затянутый в хрустящие ремни, в глаженной, побелевшей от многократных стирок гимнастерке, таких же бумазейных штанах-галифе, но зато в новых, до ослепительного блеска нагутапленных сапогах быстро вошел в настезь распахнутые ворота больничного сквера. Приглаживая непослушные русые волосы и – со смешной, не по возрасту степенностью – щегольские усики на широкоскулом, гуранском лице, зашагал по дорожке,

которую обступили старые тополя, к приземистому корпусу больницы – старинному зданию красного кирпича. В одной руке паренек нес нечто длинное и изогнутое, обмотанное чистой портяночной фланелью, другой – прижимал под мышкой фуражку военного образца.

– Яшка! Смородников! Стой, чертяка! – раздался радостный возглас справа, из-за разросшегося куста акации.

Опираясь на самодельную трость, с облупленной скамейки поднялся бывший партизанский командир бравого паренька, Абрам Иосифович, бледный и худой до неимоверности, с прорезавшими узкое лицо двумя вертикальными складками.

«Щеки-то как ввалились!» – огорченно подумал Яшка, но тут же улыбнулся во весь рот навстречу одному из самых дорогих ему людей.

– Батя!

– Какими судьбами, добрый молодец? – усаживая Яшку рядом с собой на скамейку, спросил «Батя». – А справный какой, мать честная! Чисто гренадер его императорского лейб-гвардии полку!

– Ну, по лейбгвардиям, Батя, не слодобился. Мы их, наоборот, в хвост и гриву чехвостили!

Польщенный Яшка, положив на скамейку свой чудной сверток и фуражку, в очередной раз пригладил чуб. Прищурившись, загадочно улыбнулся, громко откашлялся в кулак и неожиданно встал.

– Однако, прибыл я, уважаемый ты наш командир Абрам Иосифович, для важного поручения!

– Тю-ю!.. – шутиливо протянул «Батя». – А я-то, дурак, обрадовался! Думаю, Яшка меня, болезного, навестить пришел, про болячки мои послушать, посочувствовать... Ан нет! Яшка, да какое еще может быть больному человеку важное поручение?!

– Так это... я, знамо дело... и попроведывать... – обескураженно проговорил Яшка и тут же, спохватившись, подхватил со скамейки свой загадочный сверток. С шутивым поклоном положил командиру на колени, остро обтянутые желтоватой бязью больничных кальсон, торчащих из-под коротенького грязно-коричневого потертого халата, ощутимо пахнущего карболкой.

– Вот, значит!

– Дерите меня козы, что за диво?! – ошарашенно вскричал Абрам Иосифович, разворачивая байку. – Ого-го! Мать честная!

В руках оказался темно-зеленый, гладкий, лаково блестящий и неправдоподобно длинный огурец.

– Да-а, брат ты мой... Вот удивил, так удивил! Это где ж ты такое сокровище отхватил? – командир жадно понохал овощ. Огурец, правда, ничем не пах.

– Знаем места... – важно выговорил Яшка и счастливо засмеялся. – Это у меня, Батя, знакомый кореец на Большом Острове, у Ингоды живет. Там у него эти... как их... Теплицы и парники! Верись, Батя, томаты уже наливаются, под стеклом! От те и махака! Ты, Батя, того... ешь огурец этот, в ем витаминов – пропасть! Дуже, говорят, от любой болезни помогает. Тебе, Батя, надобно шас особенно питаться, чтобы быстрее на ноги встать. Погоди, завтра я тебе еще картохи молодой котелок притарано!

– Яша, Яша! – укоризненно покачал головой командир. – Ты совсем сду-
рел! Какая картоха! Во-первых, питание тут у нас налажено...

– Питание! – Яшка ехидно скривился.

Видел, что командиру приятна его забота, потому осмелел поболе.

– Ага, вижу я, каково тут у вас питание! Ты, Батя, чистый шкилет стал, в
самый раз костями греметь! Да я у корейца тебе витаминчиков...

– Яшка, не зли! – Абрам Иосифович свел брови. – Говорю, что кормят нор-
мально, значит, так и есть. Это, как сказал, во-первых. А во-вторых, дело на
выписку идет. Не сегодня-завтра уже и выхожу...

– А про это, Батя, я знаю! – самодовольно надул щеки Яшка, вытянув ногу,
полюбовался глянцем на сапоге. – Посему-то, Батя, насчет особо важного по-
ручения и прибыл!

– Ну-ну... Давай, добрый молодец, сообщай, а то вконец уже я от любопыт-
ства измучился! – рассмеялся негромко командир.

– Я теперича, значит, Батя, состою на военной службе.

– Ого! Народоармеец, так, что ли?

– Именно! – важно кивнул Яшка. – Но не просто там абы как! А порученцем
при товарище военминистре!

– Я же говорю – чисто лейбгвардеец! – хлопнул себя ладонями по колен-
кам Абрам Иосифович.

– Да ладно тебе, Батя, – обиженно отвернулся Яшка. – Как был язва, так
и есть!

– Не сердись, Яша, сам же знаешь: воду на сердитых возят! Ну что с боль-
ного взять?... – смеясь, ткнул парня в плечо бывший командир. – Рассказывай
все по порядку.

Умиротворенный Яшка повернулся к Абраму Иосифовичу.

– Дело сурьезное, Батя, хотят тебе поручить по выздоровлению. Велено, как
отсюда выпишут, прибыть тебе в моботдел военного министерства для откоман-
дирования. Вот! – Яшка выпалил все на одном дыхании, шумно перевел дух.

– Та-ак... Откомандирования, значит? И куда же это? – «Батя» удивился
не на шутку.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – почему-то шепотом ответил Яшка.

– Понятно... – протянул Абрам Иосифович.

– Чего? – С непонимающим видом Яшка уставился на бывшего командира.

– Так ты, Батя, знаешь? И куда это?

– А чего тут, Яшка, знать! Меня нынче хоть куда откомандировывай – не
боец...

– Но, Батя, это ты зазря! – принялся успокаивать Яшка.

Но глядел с жалостью – оптимизма нынешний вид бывшего командира не
внушал.

А тот ничего не отвечал, криво усмехаясь сквозь густо побитые проседью
усы, с прищуром смотрел на Яшку и поглаживал дареный огурец – гостинец
своего бывшего ординарца.

Еще лежачим, на неудобной и короткой для него больничной кровати,
Абрам Иосифович то и дело гнал от себя подступающую к сердцу тревогу –
переживал, что по ранению могут и комиссовать.

Рана была застарелая, недолеченная. Сутками в седле, ночевки у костра на стылой земле – все сказалось. Рана открылась, а потом подцепил еще и воспаление легких! Нянечка недавно поделилась с ним, от доктора таючись, что выходить его и не надеялись.

Да чего уж там! Даже сейчас, перед выпиской, чувствовал себя Абрам Иосифович неважнецки. И внешне – краше в гроб кладут. Поневоле начнешь по поводу комиссации переживать. Вот и Яшка, ишь, успокаивать прибежал. Однако, совершенно непонятно, что это за откомандирование ему предстоит? Хотя, чего там гадать, скоро все прояснится...

Без седла и шашки Абрам Иосифович себя не мыслит. Привык за минувшее грозное время. Вот только несколько этих последних, мучительных от более месяцев уже приучили к мысли, что военная песенка его, по всей видимости, спета.

И совершенно не представлял свое гражданское занятие. Но, видимо, что-то ему нашли, коли Яшка с поручением нагрянул.

В этот вечер Абрам Иосифович впервые уснул быстро и спал всю ночь хорошо, спокойно...

После выписки, пару дней отлежавшись у Яшки дома, он явился в Военмин.

Неразговорчивый, страдающий одышкой служащий, явно из бывших чиновников, протянул ему предписание – явиться на следующей неделе, во вторник, к товарищу министра внутренних дел Иванову.

– Его, случаем, не Михал Данилычем кличут? – попытался «Батя» разговорить хозяина кабинета.

– Он самый, – буркнул чиновник. – Не смею задерживать...

С тем Абрам Иосифович и вышел из приемной военного министерства. Остановился на углу, молча обвел глазами серую громаду бывшего Горного управления, где теперь располагались Военмин и Главштаб ДВР. Чего это ему почти неделю судьбы ожидать!

И решительно направился на Большую, куда и было предписано, – в Минвнутридел.

Предстоящая беседа с товминистра Ивановым воспринималась как ненужная профформа. Все равно же с ним уже определились, чего в высоком кабинете утешать!

Об Иванове он был слышан, но встречаться не доводилось. Знал, что в Приморье нынешний товарищ министра командовал партизанской разведкой, то есть в переделках побывал всяких. Чем нередко разведчики сильно кичились, задирали носы. И кто знает – нынче стал Иванов большой шишкой, – сколь это ему норова добавило.

Больших начальников «Батя» не переваривал. Власть, как давно известно, людей портит, а власть военная еще и ожесточает, убивая в ее носителе умение переживать чужую беду, прислушиваться к другому мнению. Зачем оно, чье-то мнение, если действует принцип единоначалия, а начальник – ты?

Это «Батя» по себе знал. Иногда приходилось столь глубоко закапывать свое командирское самолюбие, так наступать себе на горло... А бывало, и не раз, что и его заносило, хотя и поменьше, чем других. Наверное, потому, что в жизни своей не только командирства попробовал...

За свои сорок два года Абрам Иосифович прошел такие горнила, что хватило бы и на десятерых.

Он был полной противоположностью отцу, незаметному, вечно сгорбленному портному Иосифу Абрамову, дневавшему и ночевавшему в полуподвальчике с грязными окошечками, через которые были видны, вместо синего неба, только шагающие, плетущиеся, прихрамывающие, бегущие и подпрыгивающие ноги.

За гроши обшивал сутулый еврейский портной такую же гольтьбу, что и сам из себя представлял. Абрам уже ушел из дома, когда отца прибрала чахотка.

И то это ему случайно рассказали чужие люди, потому как связи с родными Абрам не поддерживал. Что случилось с матерью, сестрой Софочкой и братцем Мишаней, не знал, пока не вернулся с каторги.

А на каторгу попал как террорист и бомбометатель. Схватили его в девятьсот шестом, когда не жил – существовал, скрываясь после раздольного вихря девятьсот пятого года, баррикад и перестрелок с городовыми.

Счастье Абрама, что ничего при нем не было, даже вида на жительство. Когда бы размотали его клубочек!.. А так – именем своим назвался, за которым ничего не числилось. Среди бомбистов и на баррикадах известен он был под прозвищем Барс, за сумасшедшую смелость свою и неуемность. Благо, не пронюхали ищейки! Посему отделался пятериком каторжных работ. Посчитали, что голодному и завшивленному долговязому еврею и такой срок до могилы изряден. Посчитали да просчитались! Выжил он, прошел-прогрызся через грязь и мрак!

Боевое свое прозвище вспомнил, когда началась мобилизация на германскую. В воинском присутствии реготгали над двойной фамилией добровольца-верзилы. Барс-Абрамов! Го-го-го! Еврейский «лыцарь»! Витязь, мать твою, в тигровой шкуре! Уморил, зараза! Да еще, это надо же – чтобы жид добровольно на передовую пер! Цирк!

– И куда же ты, тигра халдейская, определение свое видишь, ха-ха-ха?! – не мог остановиться призывной воинский начальник. – Моет, тебя, Барса, мать эти, к ероплану привязывать и на германца сбрасывать, а ты его – когтями, когтями!

Про недавнее каторжное прошлое в призывной комиссии не ведали. К тому времени под новую двойную фамилию Абрам новую биографию придумал, а через старых боевых друзей, уцелевших на воле, получилось и новые документы выправить.

Все шло к тому, что опять бы он, наверное, вернулся на стезю бомбиста и подпольщика, но почти в самом начале войны произошло то, что толкнуло Абрама на слепую и страшную месть.

При обстреле германский снаряд, выпущенный из тяжелой дальнобойной пушки, оставил вместо той халупы, где жили после смерти матери сестра с братом, лишь огромную воронку, в которой стояла ржавая вода. В одночасье Абрам лишился всех родных, включая неизвестных ему племянников и невестки – детей и жены брата Мишани, перенявшего отцовское ремесло. Снаряд

ударил под утро, когда все еще спали. Портновская мастерская в полуподвальчике осталась без хозяина, и вскоре там поселились какие-то беженцы.

И тогда Абрам решился на добровольную мобилизацию. Он хотел на германскую войну! Потому балаганный и оскорбительный разговор в воинском присутствии перетерпел.

Определили Абрама Иосифовича Барс-Абрамова, из мещан, в пластунскую роту 1118-го Кенгсольмского полка. И пошло-поехало! Известно же, кто они такие, пластуны! Карабин коротенький, тесак острый, – и под покровом темноты на неприятельскую передовую, за призом!

Спустя пару месяцев над двузвучной фамилией Абрама уже никто не ерничал. Первая медаль в роте у него – на георгиевской ленте. «За храбрость!» А потом и унтер-офицерский чин! Немецких семей немало осиротил, пока остыл в мести своей...

Известие из Петрограда об отречении царя встретил подпрапорщиком с солдатским Георгием 4-й степени на груди.

«Штык – в землю! По домам!» – это кричали другие. Думать, где он, его дом, Барс-Абрамову не приходилось, а прямота и конкретность военного дела были ясны и понятны.

Ярость боя, сиеминутная рулетка «жив – убит» магической силой увлекали Абрама. Он чувствовал себя нужным на поле боя, за треногой сотрясающегося «максима», ему была необходима остервенелость истощенного «Уа-а-а-р-ра-а-а!!!», сменяющаяся глухим хеканьем штыкового боя, вдвойне жуткого своей молчаливостью и кровавостью. Ему уже было нужно это екаящее содрогание всех внутренностей при гулком орудейном залпе, в бешеном галопе кавалерийской лавы, в визге шрапнели и хвале рухнувшей лошади, захлебывающей черной кровью...

Еще при этих временных перевертышах – львовых-гучковых, Барс-Абрамова избрали полковым командиром. При истеричных комиссарах Керенского он принял сторону большевиков, безраздельно, не задумываясь. Мятеж Корнилова на многое открыл глаза. А потом был октябрь, сумасшедшая и счастливая питерская ночь, охрана Съезда Советов, оборона Петрограда от немцев и Краснова... И завертела, закрутила вновь свинцовая метель!

Высоко мог бы подняться по военной лестнице Барс-Абрамов, уже собирався дивизию принять. Но оказался вместо этого на госпитальной койке, после тяжелого ранения и контузии. По выздоровлении – служебная командировка на восток, в Забайкалье, к Лазо.

Поначалу очумел – партизанщина! Но вскоре на Амурском фронте самолично возглавил летучий отряд и понесся по японским тылам!

Помотала судьба боевая! Особенно в ту тяжелую пору, когда за Благовещенском в тайгу уходили, огрызаясь от наседавших на пятки золотопогонников, а потом мотались по таежным увалам, совершая изматывающий переход до Витима, где зимовали на охотничьих заимках, кормились чем попадя.

Но зато весной снова слились в ручейки, с солом багульных стекая в укромные пади, формировались в полки, – и понесся грозный партизанский вал!

Эх, если бы не раны... В седле бы по-прежнему качался он, Барс-Абрамов, а не валялся на больничной койке! И это в такое время, когда япошек столь ощутимо поперли с Дальнего Востока!

М-да... Вышло – и вовсе от военной службы уволили, раз в Минвнутдел послали...

«Это что же, поставят из кабинета городовыми командовать? Пардон! Не пойду! Не для того столько пройдено! Я – человек военный, а не жандарм какой-то, пусть и в Дэвзэрии! Да я еще!.. Рано списали! Надо будет – до военного министра дойду!» – раздраконивал себя по дороге Абрам Иосифович, зарываясь носками сыромятных мягких сапожек в песок, которого на любой читинской улице было в избытке. Похожие на ичиги сапоги носил после ранения в ногу, да и не было у него другой обуви, не избаловался за время командирства.

С самыми невеселыми мыслями доплелся до Большой, потянул тяжелые двери. И оказался в прохладном и темном вестибюле, из которого направо и налево вглубь здания уходили такие же темные коридоры.

У входа, за столом, сидел вихрастый парень в косоворотке, но с револьверной кобурой на боку. У стены на столе тускло горела настольная лампа под зеленым стеклянным абажуром, возвышался телефон, лежала толстая амбарная книга.

– К кому, гражданин? – строго спросил вахтер, настороженно глядя на Абрама Иосифовича.

Тот молча протянул выданное в моботделе Военмина предписание. Парень долго разбирал написанное, шевеля толстыми губами, потом степенно пробасил:

– На второй этаж, кабинет 107. Я тебе, товарищ, пропуск выпишу.

Вахтер раскрыл амбарную книгу, в которой закладкой лежала тощая узенькая книжечка пропусков, долго каракулями заполнял корешок пропуска, потом сам пропуск. Наконец, оторвал его и протянул посетителю.

– По калидору, товарищ, налево, до лестницы, там – наверх и опять налево, как упруешься в переборку, там и будет...

Но в приемной, отгороженной от коридора фанерной переборкой, миловидная женщина средних лет указала Абраму Иосифовичу на венский стул.

– Посидите, пожалуйста. Михаила Даниловича вызвали к Предсовмина, но они скоро будут...

«Ишь ты, какая фифа! – неприязненно оглядел секретаршу Барс-Абрамов. – И где только этому учат – «они скоро будут»! Как будто этих ивановых тут минимум пара!»

Ожидание затягивалось. Заныла спина, потом засвербило раненую ногу, хотелось поудобнее усесться на жестком стуле, переменить положение...

– Героическому командиру – почет и слава! – раздался вдруг знакомый голос.

Абрамов обернулся, невольно вставая, и увидел располневшего, в неизменных круглых очках, Сокол-Номоконова. Боевые друзья крепко обнялись.

Вышли в коридор, к лестничной площадке, задымили номоконовскими папиросами. После сетований по поводу крайне исхудалого вида Абрамова,

Василий Михайлович рассказал старому соратнику о новой своей должности, милицейских нуждах и заботах, о том, что многие из общих партизанских знакомых пошли на службу в милицию. Последнее несколько приободрило Барса.

– Не робей, паря, – гудел Сокол-Номоконов. – Если тебя к самому Иванову вызвали, должность будет предложена ответственная, ничуть не хуже твоего командирства, а то еще и повыше!

Сокол-Номоконов многозначительно поглядел на товарища, выдерживая паузу для придания своим словам большей солидности.

Но Абрам Иосифович до конца значимости сказанного оценить не успел – на лестнице показался немолодой мужчина, при виде которого Василий Михайлович поспешно принялся разгонять рукой папиросный дым.

– Здравствуйте, товарищи! – подошедший поздоровался с обоими за руку. – Ко мне?

– Точно так, Михал Данилыч! – пробасил Сокол-Номоконов. Из чего и дурак бы догадался, что товарищ министра Иванов прибыл собственной персоной.

Прошли в кабинет, просторный, но пустой. Скромный двухтумбовый стол, диван, обитый потертым дерматином, несколько таких же, как в приемной, стульев.

Через пару минут, получив от Иванова резолюцию на какой-то документ, Сокол-Номоконов попрощался, взяв с Абрама Иосифовича слово сегодня же вечером быть у Номоконовых к ужину.

Басок начальника облмилиции еще слышался в приемной – с кем-то там заспорил, – а Абрам Иосифович уже взял быка за рога.

– Уважаемый Михаил Данилович! Я тут, вас дожидаясь, со старым боевым другом малость успел переговорить, он нынче такой высокий пост в милиции занимает, что про многое просветил. Работы, вижу, хватает у вас, и кусок нелегкий. Но, поймите! Все-таки я – человек военный, к тому же, считаю, что предписание выдано мне ошибочно. Не разобрались, бюрократы чертовы! Надо – я к самому Блюхеру пойду!.. Ну не мое это дело – какими-то околоточными заведовать! Я – боевой командир!

Абрамов злился. Он видел, что Иванов, молча выслушивающий его тираду, еле заметно улыбается. Понимает, мать его, что командир-то с него, Барса, нынче никакой!

– Улыбаетесь! Ага, значит! Кили, мол, самовар!..

– Абрам Иосифович, дорогой ты мой. Наоборот! Все правильно говоришь, только текущий момент определил неверно! – прервал его гневную тираду Иванов.

Поднялся из-за стола, быстро зашагал по кабинету, от стола – до двери, от двери – до стола.

– Что ты, Абрам, боевой и способный командир, я знаю. Больше того, убежден, что большой пост в Нарармии тебе доверить было бы самым правильным. Думаю, что и товарищ Блюхер такого же мнения. Кстати, никто ведь тебе и не запрещает к нему со своей просьбой обратиться... Но есть ли резон, дорогой товарищ Барс-Абрамов?

Замерев напротив, Иванов пристально, прямо в глаза, на Абрама уставился. А тот вдруг поймал себя на мысли, что ведь не со шлаком, пороха не нюхав-

шим, разговор ведет. Сокол-Номоконов про Иванова ему много интересного порассказал, пока перекуривали. Три Георгия получить в германскую – однако!

И запал у Абрама стал понемногу проходить.

– Вот ты мне сам ответь, – продолжал Иванов, – каков резон? Я не говорю, что врачи могут и белым билетом пригрозить. Понятно, что от эскулапов ты вскорости отобьешься, как малость на харчах подымешься. Но, батенька дорогой, война-то, почитай, заканчивается! Только с кем? Правильно, с белой и желтой сволочью! А знаешь ли ты, Абрам, что другая война уже идет? На те, к которым ты привык, не похожая! Думаешь, пьяный Ванька с кистенем самодельным ограбил парочку новоиспеченных буржуев и – амба? Нет, батенька, сотни их, мародеров, грабителей, убийц и воров! И вооружены до зубов! Во всей милиции, веришь ли, трехлинейек – раз-два и обчелся, до сих пор в основном «берданки» и смитвессоновские ржавые револьверы, а бандит из-под полы «кольт» самозарядный тянет или «маузер», с карабином на тракт выходит, ручную бомбу, не раздумывая, швыряет в людей!

Иванов снова резко заходил по просторному кабинету.

– Наверное, Абрам, ты уже достаточно наслушался, что народ-то говорит? Правильно! Чехвостят власть и милицию за то, что беззубые мы! От японцев отбились, от Семенова и прочих, а тут... У людей – страх неимоверный перед бандюгами, а в милицию веры, увы, совсем мало. Да нам, друг ты мой, позарез, слышишь, позарез нужны командиры и бойцы, огонь и воду прошедшие, которых люди знают и уважают, которым верят! Если такой пришел народ защищать – защитит? Защитит! Люди обязательно в это поверят, а если поверят – бояться перестанут, будут помогать с преступниками бороться. Или я не прав?

Иванов присел рядом с Абрамовым на диван.

– Сам знаешь, что прав. Но не только об этом думаю. Милицию формируем, много молодежи необученной. Не имеем мы права их под бандитскую пулю или нож подставлять – научить сначала обязаны! Согласен со мной? Вот! Ну, и скажи тогда мне, батенька дорогой, а кто новичков боевому делу обучать будет, дисциплине военной, чтобы, как и в бою, не стала расхлябанность или неумелость причиной поражения и гибели, а? Или, может, мне бандеролями из Советской России таких инструкторов присылают?

Иванов поднялся с дивана, вернулся к столу, уселся, шумно двигая стулом.

– Скажу тебе, Абрам Иосифович, две вещи. Первое. Положение с преступностью в Республике крайне серьезное. Поэтому даже закон принят, что все служащие милиции, как внутренней охраны государства, считаются мобилизованными наравне с призванными в Народно-Революционную Армию. Так-то вот. И второе. Имею я, Абрам Иосифович, очень серьезные виды на тебя. Извини, что в начале нашего разговора слукавил... Да не вскидывай ты так голову! Это я про Блюхера. Мы с министром, товарищем Матвеевым, были у него недавно. Как раз с просьбой об укреплении милиции командирами и бойцами НРА. В чем нам не отказали! Понял? Нет? Да я к тому, батенька дорогой, что Евгений Михайлович самолично Василия Константиновича за тебя просил. Он тебя здорово помнит!..

Барс-Абрамову было приятно, что за своей высокой министерской должностью Матвеев не забыл их совместное участие в боях на Восточном фронте.

А Иванов продолжал:

— По твоей кандидатуре выбор не случаен. Евгений Михайлович в курсе, как тебя старая рана и лихоманка прихватила. Сожалеет. И не раз мне говорил, что не встречал более толкового и волевого командира, у которого всегда дисциплина среди бойцов была на высоте, как бы там не поворачивала удача. Ни дезертиров, ни паникеров, ни мародерства! Так? Так... Вот и взяли мы тебя до выздоровления на заметку. Дело в том, что собираемся создать милицмейскую школу. Конечно, это в перспективе, пока лишь курсы трехмесячные. Но милицмейскому делу будем учить по-военному, чтобы, как в добром строевом полку: распорядок, дисциплина, строевая подготовка, субординация! Чтобы сразу, с первого дня, любую разболтанность и разгильдяйство закрутить на тугие гайки! И вот тут-то, батенька дорогой, очень ты нужен! Посему должность тебе предлагаю наи-ответ-ствен-ней-шу-ю! — произнес товарищ министра чуть ли не по слогам. — Предлагаю эту будущую милицмейскую школу возглавить! Что скажешь?

А что мог сказать Абрам Иосифович? В логике Иванову отказать было трудно, все по полочкам разложил, напористо и убедительно. И как человек он Абрамову понравился. Несмотря на свой высокий пост, мужиком оказался простым, своимским, с понятием.

А уж чем вовсе напрочь убил, так это пересказом про состоявшийся разговор двух министров, Матвеева и Блюхера, про него, Барса-Абрамова. Вот, значит, как! Рассчитывают на него в новом деле!..

Они еще долго беседовали. О том, какой видится будущая школа, где ей выделили помещения, как организуется снабжение и обеспечение процесса учебы.

Потом здесь же, в кабинете Иванова, Абрамов написал заявление: *«Прошу зачислить меня на имеющееся вакантное место начальника инструкторских милицмейских курсов»*. Поставил подпись и дату — 28 июля 1921 года.

Но одно условие товарищу министра оговорил — выпустит он, Абрамов, первый курсантский набор, и полномочия начальника школы сложит, ежели здоровье у него в улучшение не придет, потому как командовать с лазаретной койки он не привык и не желает.

Четыре дня спустя во дворе здания бывшего епархиального училища, что расположилось на углу Троицкосавской и Мариинской улиц и теперь было отдано под милицмейскую школу, перед строем первого набора — пятьюдесятью курсантами, обмундированными во все новое, вплоть до сапог, был зачитан приказ №1:

«Вступая в должность начальника милицмейско-инструкторских курсов, я считаю нужным разъяснить значение таковых:

1. Курсы являются фундаментом народной милиции, откуда должен выйти дисциплинированный, примерный, главное — верный народу, инструктор Народной милиции, который должен стоять на защите интересов трудящихся масс.

2. Курсы должны создать стойких и преданных народу и Правительству ДВР инструкторов Народной милиции с новыми народными принципами. Знайте, что на вас ляжет вся тяжесть реорганизации Народной милиции, где еще и по сей день есть примазавшийся элемент, со старыми полицейскими замашками, которые нужно изжить, ибо ему среди милиционеро-граждан места нет.

Я уверен, что вы, сознательные сыны народа, пойдете навстречу стремлению народной власти, избранной Учредительным собранием, чутко и бдительно будете сохранять внутренний порядок и спокойствие Республики, борясь неустанно и честно с врагом народа, как политическим, так и уголовными преступниками.

Начальник Центральных милицейских инструкторских курсов АБРАМОВ.»

В тот же день газета «Дальне-Восточный телеграф» опубликовала

«ОБЪЯВЛЕНИЕ

Начальника Центральной Милицейской Инструкторской Школы

С 1-го августа с.г. открыт прием в Центральную Милицейскую Инструкторскую Школу. Принимаются граждане не моложе 18 лет, физически здоровые, вполне грамотные и состоящие в подданстве Д.В.Р. Каждый поступивший в школу снабжается казенным обмундированием и довольствием (ударный паек). Срок обучения в школе не менее 3-х месяцев. Окончившие школу обязуются прослужить в милиции Д.В.Р. не менее одного года. При успешном окончании курса назначаются на командные должности Главным Управлением Народной Милиции. На курсах преподаются: Строевое обучение, грамотность, Уголовное право и процесс, Конституционное право, Общие милицейские обязанности и политическое воспитание.

Прием прошений производится в Главном Управлении Народной Милиции (Чита, Енисейская ул. дом Беркович).

Начальник школы Абрамов.»

Объявление о наборе в милицейскую школу, как и публиковавшийся по главам в начале сентября, в том же «Дальне-Восточном телеграфе», только что принятый «Закон о милиции», произвели заметное впечатление на забайкальцев.

Все это указывало на устанавливающийся государственный порядок. Население обрело, хоть и робкую, но надежду, что за усмирение уголовщины власть берется всерьез.

Изучая поступающую на имя начальника областной милиции почту, Иван Иванович Бойцов видел, что все больше и больше граждан искали у милиции защиты, сообщали о беспорядках. Люди хотели спокойно жить и работать, растить детей, любить.

Убеждался Бойцов и в том, что не все из бывших полицейских чинов, адвокатов и юристов встречают с неприятием рождение народной милиции. Приходили и предлагали свои услуги. После проверки на благонадежность некоторых привлекали к работе в качестве инструкторов на местах, в уездных и волостных милициях.

Преподавали старые «спецы» и в Центральной милицейской школе.

В общем, совсем неудивительным было прочитать на газетной странице, среди объявлений типа «Продается 2-х цилиндровый в 3 с половиной лошадиной силы мотоциклет французской фирмы «Пежо» или среди сонма афишек хиромантов-физиогномиков, академиков оккультных наук и футурографологов, и такие строчки: «Гражданином М.М. Немеровым пожертвовано Центральному Управлению Уголовного розыска собрание книг по тюремоведению и уголовному сыску». Народного милиционера люди хотели видеть профессионально грамотным, способным пресечь мутную и кровавую волну бандитизма, захлестывающего столицу ДВР.

На столе у Бойцова лежала потерянная коленкоровая папка, куда он собирал газетные вырезки о происшествиях в Чите за месяц.

Иван Иванович с болью и горечью посмотрел на это хранилище свидетельств того, что по читинским улицам ныне опасно ходить даже днем. Более того, и в собственном доме никакого спокойствия и безопасности не жди.

«В ночь на 2-е сентября, на Сенной площади в д. Варгуна неизвестными грабителями зверски убиты содержатель столовой кореец А.Ф. Ким, его жена К.С. Меньшикова, горничная А.Ф. Галеш, квартирантка Е.К. Даманова, заведывающий хозяйством столовой – кореец и неизвестный, одетый в военную форму. Явившиеся утром на место убийства судебные власти застали следующую потрясающую картину: все 6 человек, павших жертвой от рук убийц, были изуродованы и валялись в луже крови. В углу стояла, по всей вероятности, оставленная убийцами кайла. Убийство было совершено с целью грабежа.»

«Убийство целой семьи. В 8 часов вечера 8 сентября неизвестными убиты с целью грабежа супруги Крыловы, с 11летним сыном, проживающие по Петровско-Заводской улице в доме Щастина.»

Трупы. Днем 8 сентября в стороне от городской бойни, саженьях в 50 от тракторной дороги на Песчанку обнаружены два трупа китайцев, убитых неизвестными.»

ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ. В 12 часов дня 8 сентября на квартиру Керсановой, в Кузнечных рядах, совершено неизвестными вооруженное нападение с целью грабежа. Похищено вещей на 60 руб. и 10 руб. золотом.»

«ТРУП. 12 сентября, в лесу между Мариинской и Ивановской ул., в полутора верстах от Ново-Бульварной улицы, обнаружен труп неизвестного, на вид лет 28. В разных местах туловища которого – двадцать ран, нанесенных, повидимому, штыком и шашкой. Возле трупа найден револьвер системы «Браунинг», за № 263769 с патронами.»

«ДЕРЗКОЕ ОГРАБЛЕНИЕ. 15 сентября в 2 часа дня в магазин Забайкальского акционерного общества по Коротковской улице вошло несколько вооруженных бомбами и револьверами людей и потребовали выдать им кассу. Напуганные служащие повиновались приказаниям грабителей, которые помимо 1000 зол. рублей кассовой наличности, забрали и все ценное, что имелось у служащих и покупателей. Закончив «дело» грабители заперли всех присутствовавших в магазине и скрылись. Ограбление поражает своей дер-

зостью особенно потому, что совершено среди белого дня на одной из самых людных улиц в соседстве с помещением Совета Министров, где всегда имеется вооруженная охрана.»

«ДЕРЗКОЕ НАПАДЕНИЕ. Поступило от Васильева заявление о том, что в ночь на 18 сентября при возвращении его из Жуковского сада домой в сопровождении знакомой Ильиной, на углу Баргузинской и Бульварной на них напали два злоумышленника, из которых один потребовал от Васильева документы и, не получив таковых, выстрелил в него в упор, но промахнулся. Васильев притворился мертвым, злоумышленники схватили Ильину и утащили ее в лес, где нанесли огнестрельную рану в правый бок, сняли с руки перстень и скрылись.»

«ВООРУЖЕННОЕ НАПАДЕНИЕ. Около 1 часу дня 27 сентября на следовавших в гор. Читы крестьян, в числе до 13 чел. в лесу на Шамановском хребте, напали из засады неизвестные вооруженные, до 12 человек, обстреливая их. Вместе с крестьянами ехал помощник начальника Читинской гор. милиции для поручений Лукьянов, который вступил в перестрелку с грабителями и последние скрылись в лесу.

В тот же день на жителей Титовской станицы Ахметзянова и Ди-фу-ги, занимающихся скоопромышленностью, на 4-й версте за поселком Чита-1, напали четверо неизвестных, вооруженных винтовками, на лошадях, отняли у них 11 голов купленного рогатого скота, одну лошадь с седлом, черную романовскую шубу, сапоги и шляпу всего на 2075 р.»

«В ночь на 1 октября в дом Георгиевского по Песчанской ул., уг. Ивановской, явились двое неизвестных злоумышленников, вооруженных револьверами в масках; влезли на сеновал, находящийся во дворе, где спали эмигранты из Америки Никифор Мищенко, Алексей Рево и Роман Каузаев, осветили сеновал электрическими фонарями, скомандовали «руки вверх, ни с места» и забрали у них двое карманных часов, 1650 руб. золотом и долларами и 8 руб. серебром, после чего скрылись.»

«4 октября, около 9 часов вечера, совершено вооруженное ограбление 4-мя неизвестными в военной форме – вооруженных винтовками и один из них – револьвером Наган, – мелочной лавочки на уг. Александровской и Камчатской ул. в доме Брикман, принадлежащей китайскому подданному Ван-син-пин. Похищено разного товара и имущества на 847 руб. 20 коп. и деньгами золотом 105 руб.»

ГЛАВА 4

Эх, Чита – чи не та! Столица развеселая! Китайской «ханьки» – хоть залейся, были бы деньжата! Шумит-гудит столица «буфера». На Амурской улице Правительство заседает, протоколы пишет, законы принимает, а на квартал выше да на квартал дальше – на старом базаре – шило меняем на мыло, пироги с требухой, орешки кедровые, рыбка озерная! Были бы деньжата...

Деньжата, знамо дело, оборот совершают. Купчин и деловых людишек повылазило – как при царе-батюшке. Инда бились, стало быть, с япощками

и семеновцами, не жалея крови и живота своего, а на хрена бились-то?! Бары и мадамы заново фланируют по дощатым тротуарам, звенят хрусталем в расплодившихся ресторациях, двери которых по-старорежимному стерегут галунные швейцары с окладистыми бородами, привычно окликающие извозчиков для покидающих застолье парочек и громкоголосых компаний, накушавшихся беф-строгановых, красной рыбки и налакавшихся «чуринской» — аки слеза! — водочки.

...Наслушался Филипп проклятий в адрес новых властей, пока из Хабаровска до Читы добирался. Длинной оказалась дорожка. Правдами-неправдами — в несколько месяцев. И ночевал, где придется, и жрал, что попадя, и крал, и грабил, ехал на вагонных крышах и шел трактом. Даже на пару недель у вдовушки-амурчанки пригрелся в примаках — отъедался.

Чита Филиппу — город чужой, холодный. Но в родные иркутские края тяги у него никакой. Вот где уж точно — полный амбец, тока глаза покажи. Это на сахалинской каторге двенадцать лет — как вся жизнь, а для родни зарубленной топором супружницы — что вчера. Разорвут, как собаки...

Загремел на сахалинскую каторгу Филипп из-за бешеного своего нрава. По пьяному делу, войдя в яростный кураж пуще обычного, зверски убил жену законную. Полуживого, с переломанными кольями ребрами и выбитыми зубами, черного от кровоподтеков, отняли его полицейские служки у односельчан. Оклемался малость в тюремном лазарете и побрел, звеня железом кандалным, по этапу на Богом проклятый остров.

Когда март семнадцатого распахнул настежь ворота тюрем и прочих каталажек, докатившись и до Сахалина, у Филиппа Цупко осталось позади двенадцать долгих лет изнурительного труда до кровавого пота, ежедневных унижений, неистребимого запаха и вкуса баланды из гнилой капусты с протухшими рыбьими головами.

Понятное дело, подался, как и прочие экс-арестанты, на материк. А дальше — куда глаза глядят. Неизвестности и нищеты Филипп не боялся, острогом тоже уже пуган — не страшно. Да и чего бояться — на руках столько крови и грязи, что ни страха, ни угрызений совести он уже давно не испытывал. Какая совесть у варнака каторжного — Бог обнес!

Но катил на вагонной крыше или топал трактом Филипп не бездумно. Зацепка одна имелась, хотя и призрачная: верстах в пятидесяти к востоку от Читы в довольно большой деревне Макковеево, одновременно являющейся станцией на Великой Сибирской железной дороге, обитал в былые времена дружок Гоха.

Филипп надеялся, что никуда за эти годы Гоха не делся, потому как имел дружок там кузню. Откель Филе знать, что уж давненько Гоха в ней молоточком не постукивал, наняв наемную силу. Хлопцы и себя обрабатывали и Гохе копейку ссыпали, так что жить можно было. А чтобы жить, по сельским забайкальским меркам, вполне припевакчи, — знамо дело, не роскошествуя баринном, — Гоха еще одну артель сколотил. Вот в эту-то «артель» как раз по случаю Филипп-то и вступил.

А дело-то и дружба Фили и Гохи срослись еще в забытом уж нынче одна тыща осьмсот девяносто седьмом годе.

Оказался Филя, молодой и ловкий, на байкальской станции Слюдянка – возили ватагой свежую шпалу для железнодорожных работ из своего лесного улуса. Разговелись там с забайкальским мужичками спиртишкой китайским под малосольный омулек. Перезнакомились. Оказалось, они этим спиртишкой и приторговывают потихоньку.

Так и появились у Филиппа два друга, под Читой проживающие. Один, стало быть, Гоха макковеевский, а другой, совсем еще мальчишка, но крепкий в кости, разбитной и шустрый, – Коська из Новой Куки, что тоже на «чугунке» стоит, но от Читы с запада.

С друзьями своими опосля не раз и не два хаживал Филя за кордон, на китайскую сторону по делам контрабандным. И не только спиртишкой маньчжурским промышляла «артель». Поднаторели и в угоне лошадок.

Почитай, годков восемь, до чертовой каторги, годом да родом появляясь в родной деревне, Филипп вместе с Гохой и Коськой удачно занимался конокрадством и контрабандой – до хандалов дело не дошло. С ранней весны до крепких, стойких осенних заморозков «трудилась артель».

А зимой жирок нагуливали на печи, навар проедали-пропивали. На то и обженились, чтобы в одиночку зимними вечерами лучину не палить, а завалиться на тюфяк под лоскутное одеяло да помять горячее бабье мясо от души.

Но баба-то что? Так дура, едрить-тя в корень! Ассигнацию мужик дает, харчи имеются – лезь на печь да ляжки раскидывай. Ан нет! Про хозяйство разговоры заводит, про детей. Дура... Кабы молчала да под мужиком охала, а то норов давай казать: дескать, тебе, кобелю, только и подавай – жрать да драть. И еще срамну болезнь от китаез приволок-наградил. А чо она, дура, думала: полгода яйца лопаться должны?! И ни хера бы с ней не приключилось – сбегай к старухам в край села да выпроси отвару... Ан-нет! Совесть вздумала, курва! На всем готовом – и совесть! Хотя... Кабы не пьяный кураж, да не подвернувшийся под пятерню топор...

Фартовый-таки мужик Филипп Цупко! Никуда Гоха из своего Макковеево не депся. Японцев и семеновскую палачню пережил. И не где-нибудь – в красных партизанах. И не как-нибудь – на командирской роли! Эван оно как! Чудеса!

Но что Филе вовсе не приглянулось – об чем и дружку, захмелев, высказал, – так это то, что Гоха в политику подался. На хера ему это Народное собрание Дэвээрри, на хера все это сраное депутатство!

– Темный ты мужик, Филя! – Гоха лихо подкрутил ус на багровом от изрядно выпитой «ханьки» широкоскулом лице. – Масштабы нашего бывшего промысла – тьфу!

Гоха презрительно сплюнул на пол и ткнул рукой в сторону предполагаемого им юга, где в четырехстах, с хвостиком, верстах, за выжженными солнцем и продутыми ветрами даурскими степями таилась желтолицая Маньчжурия.

– Нонеча мы развернемся! Ноне у меня связей... У-у-у! И меня не замай! – Гоха мелко затрясся в беззвучном смехе.

В Макковеево с помощью дружка Цупко устроился кузнецом. Для отвода глаз. В кузне удальца видели редко, Филя и раньше до трудовой жизни охотником не был, почему в контрабанду и вдарился, а уж после каторги набивать

мозоли и вовсе охота пропала. А кореш Гоха крайне был рад, что у Филиппа настрой на прежнее – к хунхузам за спиртом шастать. Посему по новой свел дружбе Филю с заматеревшим старым знакомцем Коськой – ныне самым фартовым вожаком «артели» по вывозу спирта из Маньчжурии.

Так дельце по-новому и закрутилось. Навар давало неплохой, не на кузне молотом ухать. Правда, вскоре Филипп за кордон хаживать прекратил, больно заметен да неуклюж. А взялся в темные ночи «бомбить» шайкой багажные вагоны на железной дороге. Попутно подсоблял Коське сбывать разный контрабандный товар, главнейшим из которого оставался спирт.

Его и ране никто из «артельных», хотя их и прозывали спиртоносами, на горбе в паяных из жести бачках не таскал через границу. Грузили на китайской стороне бочонки со спиртом в товарняк, подмазав китайскую и родную таможеню, ехали эти бочонки до пригородной читинской Антипихи или Песчанки, а там перегружались под покровом темноты на подводы. Поезд же в Читу, под бдительное око областной власти, приходил чистым.

Но теперь масштабы, как заковыристо выражался Гоха-депутат, конечно, были куда как обширнее: иной раз цельную теплушку железными бочками со спиртом набивали! И нынешний политический вес корешка Гохи не только в этом ощущался. В апреле восемнадцатого на разъезде Дарасун Филю прищучила железнодорожная охрана на краже одиннадцати мест багажа из поезда № 6, но дней через десяток отбрехался с помощью Гохи. Пронесло.

Подпольный промысел набирал обороты, требовались новые и новые каналы сбыта. И тогда Гоха вспомнил о купце Бизине. До революции купчина активно участвовал в нелегальной продаже маньчжурского спирта, брал оптом большие партии, платил щедро. Гоха был уверен: деньжата у купчины водятся! Непонятно только, чего он тут, в Дэвээрии, остался, а не сбежал в Маньчжурию, где жил бы себе! Хотя, откуда-то Гоха слыхивал, что старикан Бизин еще до революции этой страной чего-то там с китаезами не поделил... Может, из-за того и сидит сычем в Чите? Выглядит плюгаво, но нет, не верится Гохе, что революционные вихри настолько растрясали старого делягу... Не может быть, чтобы он не имел интереса в спиртовом промысле!

Увы, с копейкой у бывшего воротилы оказалось и в сам-деле не ахти. Однако, быстро смекнувший о своем интересе, Бизин многозначительно намекнул Гохе, мол, старые связи никуда не делись, а, стало быть, иметь с ним, Бизиним, дело – польза для спиртовозов очевидная.

Розорившийся купец блефовал. Ныне чаяния и надежды спирт-компания оправдать он никаких возможностей не имел. Свержение самодержавия, приход Советов, а в большей мере, полоса скандалов и коммерческих потерь, в которую Бизин попал еще до начала войны с германцем, привели некогда могучего купца к краху.

Но Бизин был не так прост, как это представляли его шапочные знакомцы-спиртовозы. Долгая и бурная жизнь выявила в нем качества незаурядного психолога и ловца человеческих душ. Бизин видел: Гоха – труслив и жаден, а посему недоверчив и нерешителен, Филя Цупко же – азартен. Неразборчив, хитер, себе на уме, но пристрой его к большому делу, дай жирный кусок – пойдет до

конца. Поближе сойдясь с бывшим каторжником, старый пройдоха каким-то шестым чувством понял: с этим субчиком фарт может пойти! И фарт немалый, если под твердую руку молодчика взять...

В полуверсте от станции Песчанка, что в десятке верст к востоку от Читы, на пригорке, полого сбегаящем к берегу голубой и спокойной Ингоды, расположился постоянный двор.

Высокий шест с пучком сена наверху, этот привычный знак для проезжающих, издали привлекает внимание путников.

Место удобное – тракт рядом. От него к постоялому двору тянется наезженный отворот. Немало сельчан, макковеевских, дарасунских, из Тыргетуя или Доронинска, еще более дальних деревень, в Читку добирающихся по надобностям своим, находят здесь ночлег.

Расклад самый подходящий: есть чем напоить-накормить лошадей, сохранить в целости на ночь поклажу, самим почаявничать да выспаться на полатях в сухости. И все это – за довольно сносную плату. А ранним утречком, по холодку, – в город.

Зимой постояльцев прибавляется. По реке, начиная от разбросавшего по крутым склонам сопок свои дворы Дарасуна и на семьдесят верст – до самой Читы, проходит санный путь. Известное дело, куда как выгоднее трактовой дороги – прямее, короче, без выматывающих животину подъемов и спусков через хребты. Лошадям намного легче по саннику двигать, по снежной глади, плотно и добросовестно заглаженной ветром. И как раз с руки получается завернуть в ранних сумерках на песчанскую заезжку для ночлега.

Две добротных больших избы-пятистенки, просторный, всегда чисто выметенный, огороженный высоким дощатым забором двор. В глубине – амбар с окованной железом лиственничной дверью, баня, крытый дранкой бревенчатый сарай, приспособленный под конюшню, под навесом – духмяное сено.

В пятистенке, что попросторнее, оборудованы широкие полати. На них без тесноты два десятка мужиков расположатся. На скобленном деревянном полу лежат чистые рогожины, в центре – огромная беленая, жаркая печь с постоянно кипящим ведерным медным чайником. Парусиновые занавеси на окнах, сосновый массивный стол с двумя длинными лавками по обе стороны.

Вторая изба немногим поменьше, но там и размещение барское: в отдельных светелках, где на кроватях пружинистые, «немецкие», лежаки, под потолком – подвесные керосиновые лампы в цветастых китайских абажурах, на окнах – белые занавески с узором, приоткрывающие блестящие глиняные горшки с геранью и бальзаминоном на широких подоконниках. На крашенном сурником полу – круглые вязаные коврики, такой же вязки лоскутные разноцветные дорожки из комнаты в комнату. И кухонька отдельная с посудой всякой. В общем, потряси мощной – и барином ночуешь, а ежели в карманах не густо или жмотничаешь, – пожалте на общие полати!

Принадлежностью постоянный двор числится за Атамановским потребителем обществом, но уже третий год, с девятнадцатого, арендует заезжку Анна Егоровна Снешилова.

И, надо сказать, управляет сим хлопотным и беспокойным хозяйством в Песчанке куда как умело. В этом ей помогают старшая дочь Екатерина, приятная и чистенькая на вид девица двадцати двух годов, четырнадцатилетний сын Василий, да дальний родственник старик Терентий, узкогрудый, чахоточного вида дедок, восьмидесяти с лишком лет, с благообразным гладким лицом, испорченным бельмоватым левым глазом.

Сама Анна Егоровна, рослая и дородная женщина лет сорока пяти, на мужиков-постояльцев впечатление производит неизгладимое.

Пышногрудая, русокосая, с подернутыми голубоватой поволокой темными глазами, взгляд которых, вкупе с легкой улыбкой полных губ и кошачьей походкой, заставляет мужскую душу цепенеть, завораживая прямо-таки животной чувственностью, — о, только и остается обомлевшему мужичью провожать хозяйку тягучими вздохами и приговором себе: «У-ух! Чертова баба!». А сказать, что красавица писаная — так не скажешь. Баба да и баба, а вот, поди ж ты!

Находились охотники приударить за Анютой, но льющаяся из ее глаз темная страсть отпугивала. Дальше вздохов и взглядов дело не заходило. К тому же, баба при мужике.

Соперничать со здоровенным сожителем Анны — Филиппом Цупко, по прозвищу Филя-Кабан, который и в свои пятьдесят три согнуть в бараний рог мог любого, желающих не находилось, хотя и не часто можно было Филю-Кабана застать на заежке. Но уж больно скверный и задиристый характер у Фили. Ежели к этому крутому нраву прибавить ходившие о сожителе страсть какие жуткие разговоры, то кавалерами Анна похвастаться не могла, да и не хотела. От взглядов, наполненных мужским желанием, ее тошнило.

В двадцать два года взял Анну замуж сосед, Фрол Спешиллов, годами ее старше заметно. Другая симпатия была у Анюты, но вдовица-мать у дочери в ногах валялась, плача и уговаривая ее за Фрола пойти. Потому как многим была соседу обязана из-за вдовьей одинокости и бабьей слабосильности. Фрол часто ей по хозяйству помогал — завалившийся забор поднять, дровец да сенца привезти, то да се. Анютой с ним мать и рассчиталась.

...Анна почти шестнадцать лет за Фролом была. Дочку и двух сыновей наредила. Достатка не знала, зато пьяный мужнин кулак изведала с лихвой. Когда в четырнадцатом, на старость лет, забрали Спешилова на войну с германцами, — наконец-то дух перевела.

Однако, ежели избавилась от чего, так только от побоев и брани пьяной. В избе-то — три рта, пить-есть просят каждый божий день! Вот и горбатилась от зари до зари. Из деревни в город подались, после того, как лошади лишились — загубили конька по неумению. А без Буланки какие хлебопашцы?

В Чите — куда, чего? Из родни обитался здесь только старый Терентий, седьмая вода на киселе. Эх, долюшка! Кое-как пристроилась Анна стирать-убирать в доме богатом. Тут-то вскорости и попутала бесом лукавым нищета непроглядная!

Хозяин — человек коммерческий, все больше в разъездах. Всем хозяйством «мадама» заправляла — аспид чистый! И собралась Анна, вконец уже затырканная, с этой поденщины уходить, никаких сил уже терпеть не осталось.

Но, как и водится, через накопившуюся на хозяйку злобу и обиду соблазн подкрался: подсмотрела Анна, где издевательница радужные ассигнации прячет.

Решилась-таки одну-две – в пухлой пачке незаметно – выудить. Как раз бы ребятам что-нибудь из одежки исправить, а то напрочь уж поизносились... Но только тут-то и случись старшему хозяйскому сынку домой вернуться да в комнату-то и зайти!

О-хо-хо, коршуном налетел!

Откормленный в борова верзила затрециной сразу же с ног сбил и давай сапогами охаживать под ребра, в грудь, в лицо... Только поутру Анна очнулась, когда грязной водой отлили и потащили под проклятия хозяйки к околоточному. Оттуда напрямиком в кутузку определили, до суда, который ждать себя не замедлил и определил Анне пять лет каторжных работ за воровство.

Старшая Катерина и оглохший после болезни Мишка при старом Терентии остались, а младшого, Василия, отправили в иркутский приют.

Анну – в другую сторону. Этапом на Горный Зерентуй, в угрюмую Мальцевскую женскую тюрьму.

Так и стала с осени пятнадцатого года Анна Спешилова каторжанкой! В тюрьме, при камерном распорядке, дожить было еще можно. Работы никогда не боялась, а в остальном тюремная администрация линию держала ровную, спрос был строгий, но и порядок был. Когда же через год, за смирение и трудолюбие, перевели Анну в вольную команду... Боженьки-святки!

В поселке нравы – вольный вертеп! «Вольняшки» в команде – гольная пьянь, что мужики, что бабы. А самая страсть – заправили местные, наглые и похотливые морды!

Шастали ночь-заполночь по землянкам, гирьками на железных цепочках поигрывая, хватали баб, что посмазливее. И, никого не смущаясь, тут же и насильничали, заливая жертвам в горло сивушное зелье.

И Анна натерпелась. Мяли, тискали вонючие лапы не раз. Как не понесла от лиходеев... Наверное, Господь ради детей-сирот беду отвел... Но оставшиеся ей четыре года она вряд ли бы протянула среди всего этого. Особенно выдалось жутким Рождество Христово в семнадцатом годе: мало того, что всю ночь попеременно на Анне два пьяных мордovorота елозили, так еще избили до полусмерти.

Выжила, наверное, только потому, что сердце и душа Бога о спасении просили. Бессчетные ночи провела Анна в незатейливых молитвах о свободе и детях. И были услышаны ее мольбы, разве что не Богом...

В апреле семнадцатого докатилась до Мальцевской тюрьмы весть о том, что в столицах царя скинули. А потом подоспела и другая новость: всем политическим и многим уголовным амнистия вышла!

Вскорости обняла Анна старших ребяташек, вернулась к прежнему занятию – кому где прибраться, что постирать за кусок хлеба. Главное – Мишаня и Катеринка рядом. В тесноте полуподвальной, но вместе. Вот еще скорее бы Васятку забрать из приюта! Да нет денег покуда таких – до Иркутска добраться. Тут и в подвале-то – на птичьих правах! Бессильно плакала Анна ночами.

Последнюю глупую надежду развеяла весточка из родной деревни: односельчанин Емельян Бянкин, вернувшийся с германского фронта на костыле и с рукой-культияпкой, сообщил через баб Анне, что еще в шестнадцатом году супруга ее благоверного, Фрола Спешилова, кайзеровская шрапнель изрешетила насмерть. Так что, почитай, скоро год, как вдова она, Анна.

А глупая ее бабья надежда как раз на Фрола-то и была. Кулак его не забылся, но все равно надеялась на мужское плечо. Теперь уж яснее ясного – пацанов самой подымать. Катерина, конечно, во всем большая подмога, но девка на выданье, перезрела уж, подвернется ухажер и мать не спросит, – порхнет прочь!

Нет счастья – так несчастье помогло. Благо, что чужое.

От лихоманки знакомая Анны преставилась – маленькая и тихая Варварушка, приживалка купца одного, разорившегося от всей этой нынешней смуты. Поговаривали, до революции был этот Бизин богатящим человеком! А судьба, ишь ты, как распорядилась... Скромно и тихо, видать, обитается бывший богач, коли поденщицу призвал к покойнице.

Обмыла-одела Анна Варварушку, утирая слезы, кутью на поминки сготовила...

– Добрая ты, Анюта, душевная, – плакал захмелевший Бизин, оставшись за опустевшим поминочным столом. – В час мой скорбный поддержала-то как... Спасибушко тебе, сердешная...

– Ну что вы, Ляксея Андреич, право слово, как же иначе, ведь надоть было, как водится, по-людски покойницу проводить. Слава тебе, Господи – по-православному ладно проводили... Царствие ей небесное, Варварушке! – исто-тово перекрестилась Анна.

– Да... Чистая была душа, – просветленно проговорил Бизин, цепким взором окидывая Анну.

Когда она, закончив прибираться во флигеле, где жил Бизин, накинула платок и напоследок скорбно повернулась к хозяину, тот неожиданно, трезво и тщательно разделяя слова, произнес, глядя куда-то в угол, за Анну:

– Ты меня не пугайся, приходи... Завтра вечером загляни, почаюем...

Да уж, тем вечером почаевничали...

«Ох, стыд-то какой, не по-христиански это, нельзя же так!» – металась душа Анны, когда прямо за столом старый Бизин навалился на нее, стал тискать за полные бедра и груди.

Она знала, что такое будет, когда он почаевничать позвал. Знала. Думала, забыться хочет. Ведь бывает такое от большой сердечной горести. Уж Варварушка-покойница так вокруг него хлопотала!

После, не один день спустя, поняла: нет ее, горести, у Ляксея Андреича. Пакостник и охальник он не по годам своим. И к чужой смерти равнодушен. Без разницы ему все и вся. Вот и Варварушка, да успокоится душа ее в обители небесной!

Так и пошло. Когда снова позвал – снова пошла.

Но в приживалки не брал. Лишь новый вечер каждый раз назначал.

А где-то сразу после Варварушкиных сороковин, на которых жалел покойницу столь искренней слезой, что Анна поразилась подобному бесстыдству, хотя давно уже ничему не удивлялась, Бизин повел ее в недалекий проулок на Новых местах.

Остановился у потемневших тесовых ворот, гримасничая, вытащил из кармана поддевки большой ржавый ключ. Долго возился с черным висячим замком на глухой калитке. Распахнув, кивнул во двор:

– Заходи, Анюта... Не робей, проходи. Хозяев тут нету. ягодка моя, не бойся...

Гаденько захихикал.

– Мда-с, обезлюдел домишко...

Продолжая похихикивать, зашагал через запустелый двор к невысокому крылечку. Уверенно поднялся по скрипучим ступенькам, второй ржавый ключ достал – от тяжелого замка на массивных дверях в сени.

Со скрежетом, не сразу, замок открылся. Держа за дужку, Бизин поднял его над головой и с размаха хряпнул о землю! Анна, вздрогнув, подалась назад.

– Ха-ха-ха, не робей, красна девица! – громко засмеялся Бизин, широко разевая черный рот. – Это тебе все, за сладость твою, девонька, за сладость!..

Соляным столбом Анна застыла, от испуга и страха сердце зашлось.

– Чево ты, бабонька, забоялася, а?

Довольный произведенным эффектом, старый купчина потянул Анну за руку в дом.

– Владей, Анюта, теперь ты тут хозяйка! И не бойся ничего. Не объявятся старые хозяева, знаю! А тебе будет куда своих забрать. Доколе по чужим углам куковать вам, Анюта...

Не сразу пришло к Анне ощущение собственного дома.

Когда в августе восемнадцатого красным из Читы пришлось сматываться, Спешилова места себе не находила. А как вернутся бывшие хозяева?!

Но Бизин успокаивал с многозначительной усмешкой, мол, не трясись. По его спокойно-покровительственному тону Анна поняла: не вернутся хозяева старые, нет их.

И стала обустраиваться основательно. Тем более, что помощник в этом объявился у Анны солидный – старого охальника Ляксея Андреича «стараниями».

Это еще при Советах вышло.

Зазвал Бизин как-то к себе под вечер, Анна к обычному приготовилась: щупать, как курицу будет, юбки задирать, потом пристроится на минуту, пыхтя и кряхтя...

Но оказалось все не так.

У Бизина сидел огромный, заросший седой бородой мужик.

– Присядь-ка, Аннушка, – промурлыкал уже крепко пьяненький хозяин. – Вот, бабонька, квартиранта тебе уговорил... И вам облегченье – по хозяйству завсегда поможет, и ему дух перевести после дальней дороги необходимо... Так что, Анна, приголубь молодца, приюти...

В голосе хмельного Бизина, несмотря на все мурлыканье, металлом отдалась та же неумолимость, как и тогда, когда первый раз к себе вечером «почаевничать» позвал.

Страшная неумолимость, которой Анна не могла не подчиниться: терять приобретенное не хотела, мочи больше не было перекаати-попем по жизни метаться.

А потом, хоть и страшен показался – какой-то звериной лютостью – со-сваатанный Бизиним квартирант, но видно, что в силе мужик. Заныло сладко внутри у Анны, ох, как заныло!

Квартиранта звали Филиппом.

Так сошлись дорожки бывшей каторжанки и бывшего каторжанина.

Знакомство Филиппа Цулко с Анной устроил не потому, что стал бабой тяготиться. Конечно, последнее тоже, как говорится, имело место быть: стар стал, чувствовал это. Как и безразличие Анны, перемежаемое с плохо скрытым отвращением к нему. Но главным было другое – старый купчина свою последнюю жизненную перспективу промеривал. Для того и плел свои своднические сети. Свел Анну и Филиппа и себя похвалил, – сладилось неплохо.

Определившись с постоем в Чите у Спешиловой, Филипп сразу глаз на Анну положил. В первую же ночь молча ввалился в ее комнату, сопя, придавил всеми своими пудами и долго, все так же молча, утолял жажду по бабьему телу. Анна не противилась. Сама страсть как хотела! Но поначалу страх обнял, уж больно схож был напор Филиппа с теми, малоприятными воспоминаниями о каторжном поселении. А потом как-то незаметно накатила щемящая сладость, о которой и думать со стариком Бизиним забыла. Мужской силой Филиппа бог не обидел, и Анна застонала, завывала от острой и сладкой боли, вцепилась побелевшими пальцами, как когтями, в потную на спине исподнюю рубаху Филиппа: «А – а – а!».

Утром Катька и Мишка боялись поднять глаза на мать, а она, раздумавшись, пекла блины, выкладывая их стопой посреде столешницы. Какое-то подобие улыбки проскальзывало и по широкоскулому лицу квартиранта, расположившемуся во главе стола.

– А где, гришь, Нюра, меньшей-то, в Иркутске? – спросил, скатывая очередную блин в трубочку, Филипп.

Анна сокрушенно кивнула:

– Ох, исстрадалась уж вся душа по Васютке! Давно бы забрать, да на че в даль таку ехать-то? Да и боязно! Че же это такое по матушке Рассее творится-то, а? Смертоубивство сплошное! Охо-хо...

– А сидеть у моря погоды дожидаячися, так вообще не дождесси! – грозно бухнул Филипп. Взял новый блин и немигающе уставился на притихших Мишку и Катеринку – Чево лупетки тарашчите! Блины тут катаете, а Васятке малому каково на сиротской пайке, не кумехали? То-то... Ладно, шавкайте...

Разрешил милостиво, как хозяин, заглотив удавом блин и хлопнул ладонью-лопатою по столешнице:

– Ладноть, Нюра, дай малость оглядеться. А там, глядишь, и подсоблю...

Филипп оказался на слово крепок: месяца через полтора бухнул на стол засаленный ком радужных бумажек – на дорогу. И сам поехал вместе с Анной в Иркутский приют за ее младшеньким. Забрала Анна из приюта постылого свою кровиночку, домой привезла, отогрела, отмыла.

А к Филиппу еще больше по-бабьему прикипела: в положенный срок девочкой разродилась. Окрестили Валентиной.

Чем занимается сожитель-квартирант, где разживается деньгами – догадывалась.

Пропадет на несколько дней, потом объявится ночью, втаскивая в сени мешок, а то и пару. Со всяким мануфактурным добром, вещами носильными, нередко и с бакалеей.

В доме появлялась и снова исчезала конская упряжь, сыромятные коровьи кожи, свертки хрустящего хрома, остро пахнущие козьи дохи и овчинные полуслубли. Филипп уж не раз одаривал Анну отрезами материи, посудой из фаянса снабдил. А новорожденной Валентине, на зубок, полдюжины фарфоровых чашек с блюдцами в шляпной коробке приподнес, дескать, пуцай барыней вырастает!

А Анна не спрашивала, откуда все это приплывало, – не маленькая. Иной раз до утра и кровавые пятна застирывала со щелоком в тазу. Про поденщину давно позабыла!

Днями пропадала в городе, на толкучке у вокзала или на рынке, но чаще в первочитинских кварталах – отдаленном от центра и одном из самых лихих районов города. Сбагивала всякое шумье в тех местах, где Филипп наказывал. Иной раз целый день моталась. Благо, Катерина с парнями на хозяйстве да с маленькой сестренкой нянчится-лялькается.

Деньги с продаж Филипп принимал дотошно, подолгу выпытывая о состоявшемся торге. Анне на прожив выдавал скупое – впроголодь не держал семейку, но и не баловал. Посему сильно удивил, даже испугал Анну, когда однажды среди ночи, в светелке, прямо на пружинистой кровати, вывалил из-за пазухи в подол ночной рубашки сожигательницы большой смятый ком сиреневых царских «катенек» и лиловых с красным «голубков» новоиспеченного читинского правителя атамана Семенова.

– Прибери, – пробасил угрюмо, – да понадежнее. Покумекали мы тут с благодетелем твоим Ляксею Андреичем, – надоть в стоящее дело выручку пускать...

– Охо-хо... А где оно, дело такое, Филя, при энтих нынешних разбойниках! – Закачала сокрушенно головой Анна, жадно перебирая, расправляя и складывая в пухлую неровную пачку банкноты. Никак не получалось сосчитать.

– Это уж не твоево ума дело! – широкая ладонь Филиппа прижала к одеялу судорожно дернувшуюся с деньгами руку Анны.

– Ша! Слухай и запоминай, Нюра, со всем вниманием и до единого словечка! Поутрянке собирайся в Атамановскую станицу. Колян Куйдин как раз туда навострился, подвезет. В Атамановской есть потребительско общество... Чево ты зенками-то захлопала! Найдешь! Впрочем, Нюра, тут Андреич твой слышал намердню, что эта самая потребиловка имеет заезжий двор на тракте коло Песчанки и этот двор сдает в пользование желающему! Аренда называется! Впрочем, плати денежку и – владей! Но, каково?

Глаза Цупко в полумраке светелки, казалось, загорелись хищным и жадным блеском.

– Чувешь, Нюра? Ан, да благодетель твой Ляксею Андреич! Ить, голова! Голова, Нюра! – повторил Цупко, подняв к потолочнице узловатый, в черных трещинах палец с желтым обгрызенным ногтем.

Нагнулся к Анне, зашептал, смрадно дыша в щеку и брызгая слюной.

– По всему, Нюра, выходит, што генерал-атаману ноне не до заезжих дворов. С краснопузыми бои идут серьезные... И ишо неизвестно, куда кто перетянет!.. Стало быть, самое удобное времечко, Нюра, в сутолоке-круговерти энтой, аки в мутной воде, рыбку словить...

Больно схватил Анну повыше локтя:

– Зыркал я тот постоялый двор! Хозяйство, Нюра, серьезное, доброе! Крепкое! Опять же – расположение! Почитай, все обозы мимо тащатся! Людям – ночевка, а тебе – полный расклад: чево везут, куды... Уразумела, а?

Филипп затрясся в беззвучном смехе, его рука жадно и бесстыдно нырнула в тесный вырез ночной рубашки Анны, рачьей клешней вцепилась в горячую грудь.

– То-то, сладкая!..

– Ох, больно!

– Но... Давай-давай, не кобеняся... – бормотнул сожитель, задирая другой рукою Анне подол и вливаясь сильными пальцами в ляжку. Кипа разноцветных купюр скользнула на домотканый половик у кровати, рассыпалась осенними листьями...

В начале 1919 года Анна Спешилова арендовала на пять лет постоялый двор у Песчанки, заплатив в кассу Атамановского потребительского общества сразу за два первых года. И перебралась с малой Валентиной, Катериной и младшим из сыновей, Василием, из Читы, с Новых мест, в Песчанку. Благообразный бельмоватый дед Терентий тоже перебрался на заезжий двор в Песчанку, поближе к блинам и стряпне бабьей.

ГЛАВА 5

Хозяином в читинском доме по улице Нерчинско-Заводской остался старший из спешилловских парней – шестнадцатилетний Михаил.

Мишка, конечно, обрадовался свалившейся на него вольнице. Однако поспешил. Запряг его Филипп, как сивку – взвалил всю ту беготню с краденым, чем доселе занималась Анна: отнести что куда велено, выручку на месте пересчитать, чтоб товарки и барыги не надули... На большее у глухого Мишки, к тому же довольно туповатого, способностей не хватало.

А Филе-Кабану уже требовался размах. Поэтому все чаще, от раза к разу, для дел своих темных прибирал Цупко младшего из спешилловских «мужиков» – двенадцатилетнего Ваську, хлопца юркого и крайне смышленного, удивительно склонного, как не раз убеждался Филипп, к пакости насчет чужого добра и чужого интереса.

Опытный уголовник разглядел в мальце достойную смену, вот и пестовал, чисто наследника. Анна же, уж на что зная делишки Филиппа, глупо, как это только могут исстрадавшиеся по домашнему счастью бабы, радовалась столь тесной смычке сожителя и сынишки, невольно и незаметно обманывая себя миражом придуманного семейного счастья. Дети были для нее возможным спасением и очищением от былого, вынужденного нищетой, греха. Старый Бизин и Филе-Кабан убили в ней эту последнюю возможность остаться матерью...

Теперь в Маккавеево Филипп Цупко навещивался редко. Скопившиеся в кузне заказы и работы целиком повисли на напарнике, которому хозяин Гоха подсказал на Филю особо не рассчитывать, а озаботиться подбором себе нового помощника. А что, дескать, касается Фили, так он неотложные родственные дела решает, вряд ли теперь возвратится...

Впрочем, маккавеевский народ пришлым каторжанином-кузнецом мало интересовался: в нонешней круговерти кого только через село не пронесло. Разные были люди, а что этот самый Филя-Кабан – личность темная, так это любой бабке видно. К тому же в начале мая прошел слух, что угрюмый Филипп и вовсе «погорел». Сказывали, что с какой-то шайкой связался, покуксились они на японский склад, да там их всех и покончили.

На самом деле все обстояло не так трагично, как шумели слухи.

В начале мая 1919 года начальник 1-го района милиции города Читы П.А. Окопович в рапорте вышестоящей инстанции докладывал: *«29 апреля с.г. около 10 часов вечера в Песчанском гарнизоне из барака № 48 посредством взлома висячих замков совершена кража японских товаров, а именно: около ста пудов подошвенной кожи и 2 пуда 20 фунтов сапожной желтой кожи, 9 штук мехов серой овчины, 2 швейных американских ножных машин, 16 пудов брусового японского желтого мыла и 20 белых военных брезентов, всего на сумму около 50 000 рублей. Участники означенной кражи: Филипп Цупко, Андрей Давыдов из крестьян Домно-Ключевского селения, Сергей Додок – ссыльно-поселенец и неизвестный цыган. Первый мною задержан и часть похищенных товаров найдена. А остальные бежали».*

Украденное вернулось на японский военный склад практически полностью, в чем арестованный Цупко содействовал, чем только мог, выкручиваясь и сваливая вину на сбежавших соучастников. Дескать, сам он и не при чем вовсе, а означенные похитители лишь подрядили его с подводами доставить товар на станцию, только и всего. Убежденное вранье, возврат украденного и внесение залога в три тысячи рублей помогли Филе в середине лета выйти на свободу.

Он принялся за старое.

Но весной двадцатого легко отделаться не получилось: в начале апреля арестовали за участие в кражах, а 13 мая Читинский окружной суд присудил Цупко *«к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительное арестантское отделение на 1 год и 3 месяца».*

Только когда япончишкам с семеновцами пришлось окончательно воссияти из Забайкалья убираться, забрезжила свобода: 6 декабря 1920 года Цупко освободила из заключения комиссия по разгрузке тюрьмы – новая, дэвээрская власть.

Но теперь Филя где попадая старался вернуть, что от бело-японо-интервентского режима он – явный потерпевший. Однако, поглядев на лоснящуюся ряху «страдальца», вряд ли кто мог отнести его к таковым.

В вызволение Фили из-под стражи главную лепту внесла Анна. Во всех смыслах. И деньгами, и ходатайствами разными. Вступив в управление постоялым двором, она всячески старалась создать среди песчанских жителей добрую репутацию о своем заведении, что в какой-то мере ей удалось.

А посему Анна, к тому же, находившаяся снова в тягости, несколькими вечерами прошла по дворам, склонив десятка полтора сельчан составить «приговор с утверждением» – прошение за своего сожителя. Мол, никоим образом Цупко Филипп с уголовными преступниками не связан, и добропорядочные домовладельцы Песчанки ходатайствуют об его освобождении.

Обивавшую пороги односельчан Анну не столь уж волновала дальнейшая судьба погоревшего на кражах сожителя. Но, как не крути, любое подозрение, худая молва и пересуды о Филе волей-неволей падали и на ее голову. Отпугивали народ от заежки, что и без того скромные доходы от постоя сокращало.

А доходы стали для Спишиловой смыслом жизни. Утратить приобретенный и нарастающий достаток она не желала ни в коем разе.

Слабоумного Мишку из города забрала, посадила у себя на постоялом дворе унты шить да катанки подшивать. Какая-никакая, а копейка в семью.

Опустевший читинский дом на углу Нер-Заводской и Кабанской улиц остался в полном распоряжении выпущенного из тюрьмы Филиппа. Мелькнула разок у Анны шальная мысль дом на Новых местах продать, но за такое Филка с Ляксей Андреичем не помиловали бы...

День за днем Анна с горечью убеждалась, что сожитель – не хозяин. Не было в Филиппе столь необходимой Анне хозяйской жилки, мужицкого настроения на укрепление собственного хозяйства. Ей не раз уже приходилось нанимать работников для ремонтов: то или другое подправить на постоялом дворе. И, понятное дело, тратиться на чужих самогоном и копейкой. Если бы сожитель еще не притаскивал по ночам барахло да не давал бы денег... Ну и боялась, конечно, Анна каторжного варнака – зарежет, если что, как курицу!

Насчет отсутствия «хозяйственности» у Филиппа Анна не ошибалась. Так оно и было. Годами выработанная привычка жить за счет других, тащить для своей пользы все, что близко и плохо лежит – эти, укоренившиеся в сознании и образе жизни Филиппа Цупко понятия, вводили его все дальше и дальше по кривой дорожке. Наличие домовитой сожительницы его вполне устраивало. Постоялый двор, которым заправляла Анна, стал для Филки и берлогой, и вертепом.

Надежды Анны, что сожителя могут хоть в чем-то настроить на семейный лад народившиеся от него ребятишки, – так надеждами и остались.

Увы! Что подросшая Валюшка, что крепенький Жешка... Папашка вспоминал о них лишь в крепком подпитии: хватал на руки, подбрасывал к потолку, страшно хохотал. Дети его боялись, чувствовали холод и равнодушие.

Когда Анна разрешилась от бремени мальчонкой, сожитель заявился только на крещение, буркнул, чтобы назвали мальчика Иннокентием, сунул годовалой дочке глазированный пряник, густо облепленный махорочной крошкой, хмыкнул, глядя на орущего младенца, и подался прочь, в большую пятистенку постоялого двора. Там он быстро напился, горланил с мужиками песни, потом с кем-то полез в драку, а после мертвеца валялся на грязной соломе под навесом конюшенного сарая. В полдень следующего дня, отныряв лохматой головой в бадью с квашеной капустой, Филипп долго сидел на скамейке у избы, сумрачно выковыривал ошметки капусты из свалявшейся бороды, тоскливо

пялил мутные глаза на дорогу. А к ночи, ни слова ни проронив, подался в город, благо, конная оказия подвернулась. Анна знала, что первым делом Филипп нырнет к Бизину, на опохмелку.

Настоящий закоперщик приобретения в аренду постоянного двора, старик Бизин, пока здесь и не бывал, а Филя часто терся среди мужиков-постояльцев. Заводил с ними разговоры, балагурил и выпивал. Если не нажирался вусмерть, то вваливался в светелку к Анне и долго, по нескольку раз удовлетворял мужскую похоть, иногда и салоги не скидывая. А поутру обычно подсаживался к ночевщикам на подводу, ехал с ними до Читы. Гулял с мужиками на заежке чаще всего за их же счет, но мог и приказать Анне выставить водки или спирту и закуски, а то и комнату в «барской» светелке отдать в ночевку задарма каким-то темным личностям. Понятно, что все это приносило только расходы и поэтому злило Анну до неимоверности.

А на днях сожитель пожаловал с двумя милиционерами, угодливо перед ними суетясь, распорядился «номер» им предоставить. На Анну цыкнул страшно, когда она было с расспросами сунулась. Лишь после, ночью, оторвавшись в насыщении от ее тела, свернул сигарку, пыхнул на Анну вонючим самосадам и многозначительно пояснил.

– Застава милицанерская тут у нас будет стоять, поняла? Комнатку им дай поутру другую, просили с окнами на тракт... Денег, слышь, не бери. Цыц, ска- зал! Не бери! Наоборот, дура, потчуй эту братию чаем и стряпней и поласко- вее будь! Уразумела? Поласковее и поприветливее... Смотри, Нюра!

– Но... Мне чины твои милицанерские всех постояльцев на сто верст в округе распугают! – возмущенно вскинулась Анна.

И тут же получила такой тычок под сердце, что дыхание закупорилось.

– Ты чо-о, гад такой, ох, вытворяешь! – сдавленно захрипела она. – За дар- моедов своих ратуешь, а не за деток родимых...

– Замолкни, дуреха чертова! – Филипп приподнялся на кровати, прислу- шался. – Тихо, лявва!

Страшно округлив глаза на побитом ослрой лице, затопорщил неопрятные рыжеватые усы и бородачку.

– Милицию задобрить надо, показать расположение властям! – Филипп перешел на едва слышный шепот. – Вчерась, слышь, благодетель твой влип...

– Ох, доигрались, окаянные!

– Нишкни, дура!

Филипп испуганно оглянулся на дверной проем, прислушался, неприятно обхватил пятерней Анну за подбородок.

– Сам в толк не возьму, какая Андреичу, мать его так, шлея под хвост по- пала! Они вчерась с Витюхой Павловым прибрали... нашли, то бишь, четырех приبلудных коней, а им кражу пришили, от так! Сидят теперь в кутузке, куку- ют... Не обошла ангела-благодетеля неминучая!

Филя гаденько затрясся беззвучным смешком.

– Воистину тапдынут, Нюра, – от тюрьмы да от сумы... Хе-хе! Но надобно соседку выручать... От тут к месту фараоны и подвернулись! – зло закончил Цулко.

– Ты чего опять удумал-то? – охнула Анна. – Милицанеров в заклад?

– Какой заклад, дура! – Филипп больно зажал ей рот, с остервенением вдавил затылком в подушку. – Сдурела, лярва! Наоборот, слышь ты, наоборот надоть с милицией захороводить, полезность им высказать! Поняла, темнота? – отнял руку и согнутым указательным пальцем стукнул ей пару раз в лоб.

– А проку-то с них, э-ва! – переведа дух, протянула разочарованно Анна, вытерла губы после кисло пахнувшей Филипповой ладони. – Када бы начальни-ки какие милицанерские, а то ты, мелка рыбешка...

– Я те чево наказываю? Сказано, поласковее да послужливее! Остальное, слышь, не твое бабьего ума дело! Уразумела? Помалкивай, знай делай, чево велью...

Дело с милицейской засадой кончилось несколько дней спустя. Глубокой ночью сидевшие в засаде милиционеры, вместе с подъехавшей по темноте подмогой в несколько конных, начальнику которых Филипп Цупко чего-то долго шептал в ухо, накрыли на тракте подводу с контрабандным товаром. Удача явно была немаленькая, потому как вскоре Цупко, торжественно пьяный, громогласно объявил Анне, что теперь он в милиции человек свой, а, стало быть, постоянный двор – не замай никакая холера!

На трезвую голову Цупко про свои отношения с милицией помалкивал, лишь хитренько льбился. Анна же считала, что его кадрили с «милицанерами» никакого толку не имеет; старикан Бизин как сидел в тюрьме, так и сидит. А что касается заезжего заведения, так его и так никто не трогает, посему с милицейской «защитой» один разор – повадились на постоялом дворе засады на дармовщинку устраивать, пить-гужевать!

Цупко думал иначе. Или своей звериной уголовной интуицией, или еще каким бесовским чувством, но выбрал линию своего поведения с властями точную – двуличие, скользкая дорожка «и нашим, и вашим».

Ох, как мечталось под стакан самогону Филиппу! Как хотелось достичь такого положения, когда бы он, где хитростью, где обманом, а где и прямой сдачей мелкой уголовной сошки или кого покрупнее из конкурентов, получил веру у милиции, загодя знал, что она затевает. Знал и – мог вовремя затаиться, спокойненько уйти, отсидеться. А самое главное – наверняка знать, где у милиционеров прореха, куда навалиться с верными корешами, без ущерба, с наваром «сорвать банк», как любит говаривать старикан Бизин, и благополучно уйти, не ожидая в липкую от страха спину горячей тяжелой пули.

Это тоже подсказал Филиппу «старикан Бизин». Напрасным было снисходительно-насмешливое отношение к Бизину, чем грешили и Филипп, и Анна, и другие знакомцы экс-купца.

Умело и расчетливо подогревая жажду Цупко к обогащению, отлично изучив все его жизненные принципы и зная дурное самолюбие, Бизин исподволь прививал своему подручному убежденность в собственной преступной опытности и смекалке. Он не приказывал, он советовал, незаметно для Цупко и иже с ним, облачив себя в некую ипостась мозга любой преступной задумки.

Цупко и образовавшийся подле него круг подручных постепенно уверовали в мудрость и незаменимость советов хитрого старичка Ляксея Андреича. По-

сле удачно проведенных ограблений и краж почитали за обязанность чем-то старика отблагодарить за подсказку дельных мыслишек. Но когда Бизину надо было уйти в сторону, он умел убедить хитрого, но все-таки недалекого умом Цупко, что это именно ему, самому Филе, только и могла придти в голову эдакая «умность» насчет очередного темного дельца. И Цупко верил без остатка – да, это он сам додумался!

Всю эту психологическую изворотливость Бизин демонстрировал не скуки ради. У него тоже была мечта, тайная и заветная. Последняя в жизни – он это чувствовал. Только без всей этой темной, мерзко пахнувшей козлом и кислой капустой с чесночным угаром, уголовной шатии-братии мечта престарелого Алексея Андреевича Бизина могла и не осуществиться. Тогда впору в петлю! Но Бизин хотел жить, и жить хотел хорошо. Как раньше. То, бывшее, приходило каждую ночь в зыбкий старческий сон, еще более хрупкий на тюремных нарах. Да уж! Сподобился на старость лет! И погорел, мать Божья, на такой ерунде! Пригрел змееныша, позарился на быстрые деньги!

Спалился и загремел в камеру Бизин действительно по глупости: 27 августа 1921 года начальник 2-го участка Читинской городской милиции М. Абрамов вынес постановление под № 669:

«Рассмотрев дознание, произведенное надзирателем Авдюковым о краже 4-х лошадей из склада «Нобель», находящегося между Читой I-й и Читой II-й, у зав.складом Дмитрия Матвеевича Фадеева, нашел, что из свидетельских показаний и следов, приведенных к дому Барановского, где проживает Бизин Алексей, видно, что кража учинена Бизиним Алексеем совместно с Павловым Виктором и другими лицами, коих задержать не удалось.

Принимая во внимание, что означенное преступление, предусмотрено 654 ст. Уст. о наложении наказаний и руководствуясь 253 и 257 ст. ст. Угол. судопроизводства, постановил гражданина Бизина А. и Павлова В. заключить под стражу при Читинской областной тюрьме впредь до окончания дознания.»

И много времени спустя Бизин не мог даже самому себе объяснить, какого хрена он принял тогда придурковатого Витьку с четверкой нобелевских лошадей. Деньги не ахти какие, да еще на троих делить. Но главного конокрада в этом деле – Филю-кабана – не выдал. Дал унести ноги и еще придурку Витьке пригрозил: если хоть словечко ляпнет – удавят в каталажке, как кутенка.

С другой стороны, – куда ж было деваться: грязи копытами намесили к воротам и во двор. Но Филипп с Гохой-депутатом якшается, чего-нибудь придумают, а ему, Бизину, как главному пострадавшему во всей этой истории, некоторое время на нарах перекантоваться и нелишне: ореол страдальца – возвышает, авторитету среди уголовного сброда прибавляет заметно.

...Когда крепко собранная из листовенничных плах, схваченных толстыми полосами железа, дверь ухнула за спиной, и лязгнули запоры, Бизин у порога не промедлил.

Степенно произнес здравицу «чесной компании» и столь же степенно прошествовал в дальний, по левую руку, угол под «решкой» – толстой решеткой,

которой было забрано высоко расположенное, но довольно обширное окно камеры. С ходу сумел Алексей Андреевич, которому шел уже шестидесятый год, произвести на арестантов впечатление бывалого тюремного сидельца.

Слева, на крайних к окну нарах, сидел, скрестив руки-ноги, крепкий угрюмый мужик. Как и все обитатели камеры, он с интересом глядел на нового постояльца Читинской тюрьмы.

— Эхе-хе, — пробормотал Бизин, опускаясь на нары рядом с бородатым крепышом. Повернул лицо к окну. — Эхе-хе, знакомая картинка в клеточку...

Хозяин «шконки» выжидающе смотрел на шустрого старичка, прищулив один глаз — бельмастый. Бизин же небрежно отодвинул лежавшую на нарах ватную тужурку мужика, огляделся, прищурясь, и поманил к себе нескладного паренька с ближнего к двери конца нар. Тот подошел с довольно удивленным видом.

— Чегой-то припарился я с дороги. — Порывшись в тощей котомке, Бизин протянул пареньку потемневшую оловянную кружку. — Нацеди-ка, малый, старику водицы испить.

А после, наконец-то, удостоил хозяина «шконки» внимания.

— Как звать-величать тебя, мил человек? Откуда будешь?

— Ну, Баталов я. Коськой кличут... Читинский, с Кузнечных...

Бельмастый с удивительной готовностью отвечал объявившемуся в камере старичку.

— Константин, значит... — Бизин обеими руками принял из рук вернувшегося от дверей паренька полную кружку, неторопливо отпил пару глотков. — Говоришь, с Кузнечных? Стало быть, про Филю-Кабана слыхивал? Аль ни разу спиртешком не баловался?..

— Ха! Покуда можем, скопцы ли чо ли! — расплылся в кривом оскале мужичок. — Это дело мы завсегда, едрить ты, уважим... Филя, говоришь? Не с Новых мест?

— Он самый, — кротко кивнул Бизин. — Наверде племянничка у меня...

— Завсегда рады, — протянул грязную пятерню Баталов, уважительно глядя на старичка.

— Ты это, Константин, — словно не замечая протянутой руки, деловито распорядился Бизин. — Уважь старого человека, переберись, будь добр, наверх, а то устал я чего-то от суеты всей этой... Андреичем меня кличут, так и остальному народу можешь передать...

Баталов степенно кивнул, тут же перекинул свой немудреный скарб на верхние нары, с чувством явного превосходства оглядел затихших в ожидании дальнейшего развития остальных обитателей камеры, коих общим числом набиралось шестнадцать душ, хотя размеры их тюремного обиталища позволяли безболезненно разместиться здесь еще дюжине-другой заключенных. Так что сидельцам воздуха хватало вполне.

Располагались арестанты на двух ярусах дощатых нар вдоль обеих стен. Середину камеры занимал длинный стол с двумя лавками, у входа на стене громоздилась грубо сколоченная, некрашенная полка с жестяными и оловянными кружками и мисками, рядом — полутораведерный медный, с прозеленью на боках, бачок с водой. В левом от входа углу распространяла свои «ароматы» деревянная параша.

Устроившись под «решкой», Бизин не только занял самое лучшее место в камере, но и продемонстрировал тем самым ее обитателям знание тонкостей векового опыта тюремного быта.

В вонючем, сыром, а еще, как правило, переполненном каземате расположение у окна позволяло в полной степени наслаждаться потоком свежего воздуха. Это благо было и остается самым весомым для арестантов, определяет их уголовный статус. Естественно, отсюда «пляшет» и размещение в камере. Кто в уголовной иерархии повыше, тот и к «решке» поближе.

Бизин медленно оглядел камерный сброд.

По-другому собранную здесь «публику» он не оценивал.

Чуть ли ни физически исходившее от Бизина презрение остальные сидельцы воспринимали с понятием – как знак его принадлежности к уголовной верхушке – повидавшим виды уркаганам, для которых «туза поймать» – то есть заработать каторгу за тяжкое преступление – обычное дело.

Вот бы взорвало бы камеру – откройся правда: что старикан – чистый фрайер, комедь ломает! Не мотало появившегося в камере «блотяка» по этапам и пересыльным тюрьмам, не стачивались до кости увесистыми кандалами руки и ноги, не метался он, Бизин, на серых тюфяках тюремных лазаретов в тифозном бреду и не кайлил на каторге. Стопроцентный фрайерок! Не нюхал параша и тюремные «паркеты» не топтал!

Да, и в сам-деле не было ничего этого у Бизина. Но много лет назад, по молодости, дражайший Алексей Андреевич тюремного быта повидал предостаточно, правда, со стороны. Благополучным наблюдателем.

Юные годы Бизин провел на Карийских золотых промыслах.

На всю огромную Российскую империю гремела каторга на забайкальской речке Каре. Здесь отец Лешеньки Бизина, Андрей Фомич, человеком слыл уважаемым – в горных мастерах заправлял. Золото на карийских приисках добывали для государевой казны каторжане. Так что наглядился сын горного мастера. Довелось побывать невольным свидетелем множества жестоких сцен издевательств над серыми, изможденными узниками, вблизи познакомиться с бытом и нравами царской каторги.

По должности Бизин-старший принадлежал к старшим чинам администрации каторги, входил в круг местного «благонравного общества» наряду с горной интеллигенцией – инженерами, маркшейдерами, а также офицерскими чинами тюремной стражи.

Правда, нравы каторжного края были таковы, что понятие «интеллигенция» больше относилось к ругательным и пугающим. В детских воспоминаниях Бизина-младшего крепко засела фамилия горного инженера Разгильдеева, настоящего тирана Карийских промыслов. Рассказывали, что однажды его даже приняли при дворе Его Императорского Величества, и Разгильдеев самолично обещал царю добывать ежегодно по сто пудов золота, ежели дадут ему побольше дармовой рабочей силы – казенных преступников.

Желаемое получал исправно – этапы регулярно доползали до приисков. Исправно и Разгильдеев отсыпал в Северную Пальмиру золотишко. Обещанное царю-батюшке исполнял ревностно, днем и ночью, попустившись какой-

либо личной жизнью. Это и была его жизнь – рассказывать среди каторжан, заявившись на тот или иной карийский прииск, с плетью-трехвосткой, в кожаные концы которой был вшит свинец. Бил и уродовал каждого подвернувшегося ему на беду рабочего-каторжанина, в коем видел нерадивость или, хуже того, злой умысел. Большинство фамилий забитых им до смерти несчастных время стерло, но осталось на приисках кладбище в сотни безымянных могил, прозванное в народе Разгильдеевским.

Как и немногие сверстники – дети чиновников Нерчинского горного округа, Лешенька Бизин дома жил мало. После окончания начальной Карийской школы, по твердому решению отца, был отдан в Читинское коммерческое училище. «Учись, Лешка, на купца! – смеялся отец. – Авось и откроешь гильдию купцов Бизиных...» Конечно, Бизин-старший просто зубоскалил, скуки ради. Учили-то Лешку больше на бухгалтерского конторского служку, учебу свою он ненавидел, и если бы не страх перед отцом...

Отдушиной были каникулы, особенно летние. Их Алексей обычно проводил в кругу семьи, на приисках. На лоне чудесной забайкальской природы. Рыбачил, собирал ягоды и грибы. Стал постарше – отец подарил легкую тульскую одностволку-берданку. Но азартом охотника Бизин-младший так и не проникся, поэтому на охотничьих выездах чаще у табора был, слушал под треск костра нескончаемые рассказы подручного люда.

Главным рассказчиком здесь слыл разбитной, с плутоватым выражением рябого, похожего на ноздрястый гречишный блин лица, конюх Степан. Собственно, на конном дворе управления приисками его никто по имени-то и не кликал. Чаще по прозвищу – Босяком, на которое конюх откликался привычно и охотнее, чем на законное имя. Был он из ссыльно-поселенцев. Срок свой уже отбыл, да так и прижился на промыслах.

Уверившись в добром и веселом нраве поселенца, Алеша со своими мальчишескими просьбами обращался именно к Степану-Босяку: смастерить или починить что-то – поначалу из игрушек, а потом и из охотничьей амуниции. Когда появлялась надобность куда-либо съездить, конюх давал Алексею шустрою и умного Гнедка, послушного стременам и поводьям.

У костра же Босяк просвещал паренька по части нравов и законов преступного мира.

Жестокого и бесчеловечного нутра уголовщины в рассказах Босяка словно и не существовало. Захватские истории были полны романтикой уркаганского братства, чести и отваги. Отчаянные похождения разных благородных Валетов и Королей, Сонек и Манек-Золотых ручек, прочей «честной компании» следовали железным, непреложным законам благородной «дербанки» – строгой справедливости при дележе добычи; неписаным правилам грабить богатых и раздавать все нищим; гордым понятиям высокой воровской чести, оскорбление которой смывается только кровью; повседневной, доходящей до аскетизма, скромности «рыцарей ночи». И, конечно же, обязательности шикарнейшей гупянки «честного люда» по благополучному завершению крупного «дела», – дескать, знай нашу щедрость, удадь и размах!

Алешу истории Босняка покоряли и завораживали. Невольно он сам уже втянулся во все эти рассказы, пересказывал их друзьям, вкручивая вычитанные в авантурных романах детали «благородного разбоя» в услышанное от Степана, иногда выдавал придуманное за случившееся при его участии. Кстати, именно Лешенька и придумал это столь гордо звучащее – «рыцари ночи».

Увлечение Босняком и его «учением» он дома не афишировал, ибо рука у горного мастера Бизина была тяжелой. Палаша об уголовниках мнение имел одно: чем больше их сдохнет, тем лучше. В глубине души с отцом трудно было не согласиться: среди невольных обитателей карийской каторги почему-то совершенно не встречались одухотворенные уголовной романтикой типажи. Каторжники по-звериному дрались между собой за пайку хлеба и другие кандалные «блага», а дабы избежать палочной расправы за совершенную провинность, терпели любые унижения, жалобно голоса и ползая червяками в пыли, доносили друг на друга по малейшему поводу. Героями блатного романтического мира на карийской золотодобыче и не пахло.

Но убеждения Бизина-младшего тем не менее крепки: такие герои есть! Авантурные романы, давно ставшие основным чтивом паренька, взхлеб рассказывали о бесстрашном и неуловимом Робин Гуде, остроумном и вертком Рокамболе, аристократичном и наполненном мистикой Казанове. Пиратское благородство вообще не шло ни в какие сравнения! Из хрестоматийного стивенсоновского «Острова сокровищ» ближе и понятней для Лешеньки оказалась логика поступков и жизненные понятия Джона Сильвера и легендарного Флинта с сундуками пиастров, а не нищее благородство сверстника Джима, разных капитанов смолеттов и докторов ливси.

В правдивость всех этих авантурных описаний Алеша искренне верил, потому как описываемый в них дух благородства совпадал с атмосферой, наполняющей рассказы Босняка. А это совпадение, по мнению Алеши, просто не могло быть случайным. Об одном и том же повествовали далекие, высокообразованные, знаменитые на весь мир авторы книжных приключений и бывший малограмотный каторжник. И самым удивительным было то, что и авантурные романы, и рассказы Босняка объединяла *одна и та же* жизненная формула: любить – так королеву, а красть – так миллион!

В темной спальне Алеша строил планы грандиозных ограблений, рисовал захватывающие воображение картины потрясающего до слез собственного благородства при раздаче обездоленным награбленного. Утром криминальные мечтания улетучивались, чтобы вечером возрождаться в новых красках и подробностях.

Обязательно среди этих воровских феерий присутствовала и королева. И если поначалу это тоже был созданный воображением образ, то с некоторых пор эту роль Алеша отвел юной и гибкой Акулине, из семьи карийских поселенцев Витошкиных. Он встретил ее в один из последних своих летних приездов домой на каникулы.

И Акулине приглянулся молодой барчук, статный, с пробивающимися темными усиками на довольно смазливом лице.

Но высокие мечты Алеши о Прекрасной даме и прочей любовной романтике вскоре были разбиты в пух и прах.

Однажды он, с ужасной таинственностью, наконец-то сумел вручить предмету своих обожаний пространное романтическое послание, в котором, помимо объяснений в страстной любви и приглашения к будущим приключениям в духе Теофиля Готье, содержалось и нечто более конкретное: день, час и место свидания с дамой сердца, если, конечно, она снизойдет до его чувств. При этом Алешу несколько задела та обыденность, с которой избранница приняла письмо. И еще то, что без ожидаемого волнительного трепета согласилась на назначенное свидание. Алеша отнес это на счет незаурядной застенчивости Акулины. Но произошло ужасное!

— Ежели вы, барин, хотите, чтобы я вас полюбила, — скромно сообщила пришедшая в сумерках к березкам на околице Акуля, — то я согласна взять всего пять рублей, потому как вы мне тоже симпатичны...

Лешенька остолбенело смотрел на шевелящиеся губы «королевы», которая еще что-то ему объясняла с почтительной улыбочкой. Когда слух вернулся к нему вместе с даром речи, Алексей прошептал, охрипло и растянuto:

— Бог мой, да что же вы такое говорите?!

— Но папенька не велел с вами ложиться, ежели меньше дадите! — сокрушенно, тоже переживая, всплеснула руками Акуля...

Случившееся стало молодому Бизину уроком на всю жизнь. А из полученного урока вытек и закономерный для подростковой категоричности вывод, который впоследствии подтверждался не раз, а посему стал для Алексея непреложным законом: *все и вся можно купить, все имеет свою цену*. То, чего нельзя купить за деньги, можно купить за большие или очень большие деньги. А что не продается за деньги, — успешно выменивается за другие ценности, например, за свободу, жизнь, славу, власть. Впрочем, слава и власть — это те же самые деньги. Без оных мир виделся Бизину темным, никчемным и бессмысленно пустым.

Акулине тогда денег он не дал. Убежал трусливо. Но после не одной ночи душевных терзаний и мучительных раздумий у Алексея Бизина родилось его главное и незбываемое правило: *если хочешь любить королеву — укради сначала миллион*.

...Увы, шли годы, а ограбления века не предвиделось. Зато осталось позади коммерческое училище, и жизнь пошла по заведомо определенному кругу: служба в финконторе, деловые поездки, гулянки, случайные встречи и связи, лечение от ветреных болезней.

Вскоре умер отец, не оставив ничего, кроме шитого золотом парадного маркшейдерского мундира. Маленькое имение — село Бизино Карасинской волости Тобольской губернии, где Алексей и родился, — давно было заложено. Мать отца пережила ненадолго. Вскоре после ее смерти поднаторевший в мутных знакомствах Алексей женился на овдовевшей купчихе, которая была его старше на полтора десятка лет. Получается, хотя бы косвенно, но исполнил стародавнее шутовское пожелание отца. Насчет купеческой карьеры:

И, надо сказать, дела у новоиспеченного коммерсанта пошли. Чему в немалой степени способствовали два обстоятельства. Во-первых, все-таки кое-какая коммерческая грамотешка у Бизина присутствовала. Во-вторых, он оброс потихоньку многочисленными связями с ушлыми людишками, промышленлявшими мануфактурой, шелком, спиртом и прочей галантереей, естественно, без уплаты акцизных и таможенных сборов. Контрабандные делишки были неплохим подспорьем в торговом предпринимательстве Бизина. А все вместе – давало капитал!

В 1896 году, помимо торгового ряда в Чите, магазинов и лавок в Нерчинске, Петровском Заводе, Благовещенске и Верхнеудинске, Алексей Андреевич Бизин, основательно подмазав русского консула в Маньчжурии, его клерков, ублажив материально местные китайские власти, открыл свою торговую контору с магазином в Харбине.

Здесь, на благодатной для торговли китайской земле, богатеющий не по дням, а по часам купчина встретил начало нового, двадцатого века.

Правда, встретил вынужденно, на некоторое время не по своей воле расставшись с родимым краем – из-за учиненного с подачи таможенной службы следствия.

Несколько зацпаннных таможеней и казачьей пограничной стражей спиртоносов продали со страха кое-кого из барыг. А среди тех нашлись «кивнувшие» на Бизина. Поначалу ничто не предвещало беды, но потом на две читинские лавки купца власти наложили арест. Свой человек из областных столоначальников просигнализировал: могут и остальное имущество заарестовать, прошенные следствия о сем военному губернатору подано.

Искушать судьбу не хотелось, и Бизин отбыл в Харбин.

Снял просторную квартиру в богатом русском квартале на углу улиц Участковой и Полевой, у домовладельца Зимина. Терпеливо занялся расширением дела на китайском рынке. За три года удалось стать признанным авторитетом в купеческой среде русского Харбина. Охотно торговали с ним многие китайские коммерсанты.

Постепенно развеялись без следа невнятные отголоски слухов о темных делишках Бизина. Вот он, весь на виду, человек слова и дела, скромн, но не скуп, умен, расчетлив, умеет рисковать и выигрывать.

Кстати, и с потерей торговых заведений в Забайкалье обошлось. Но Бизин все магазины и лавки в Чите продал, деньги пустил в харбинский оборот. И он пошел! По делам своим торговым объездил Алексей Андреевич весь Китай, побывал в английском Макао, увидел Сингапур и Бангкок, Окинаву и Токио. Неизгладимое впечатление оставил огромный, бурлящий Шанхай, особенно известные его кварталы, увешанные гирляндами красных фонариков.

Но не только козлородым сатиrom порезвился там, Уразумел механизм по выкачиванию денег из плотских утех! И по возвращении в Харбин, арендовав уютный зеленый уголок неподалеку от центральных улиц, открыл собственную ресторацию с «номерами» – фешенебельный дом терпимости, чего главный город Маньчжурии до сих пор еще иметь не сподобился.

Амурное заведение Бизин устроил с завидной фантазией. Ресторация изысканной кухни «а ля рюс», с осторожным допуском деликатесов восточной кулинарии, дополнялась кафешантаном, куда приглашались заезжие опереточные труппы и гастролирующие знаменитости. С ресторацией соседствовал игорный зал, где крутилась сверкающая никелем рулетка, зеленели сукном ломберные столы. Отдельно, через уютный и аккуратный японский сад, мощеные камнем тропинки вели в те самые «нумера» – со своей прислугой и кухней, улыбочивыми, покорными и умелыми в любви китайянками, японками, корейянками, были и белокожие барышни, и даже две мулатки.

Золотой ручеек превратился в реку. Посему и российский позор – сокрушительное поражение в войне с японским «микадой» – Бизин пережил без потрясений, незаметно как-то. Мухден и Даолян, естественно, не Харбин.

Тем паче, в это время судьба дала Алексею Бизину ту единственную любовь, в которую он *поверил*.

ГЛАВА 6

Это было знакомство уже разменявшего пятый десяток лет торгового воротилы с двадцативосьмилетней шансоньеткой Сашенькой Островской, чьи афиши, извещающие о «единственной гастрولي» несравнимой исполнительницы цыганского романса, появились в Харбине осенью 1904 года.

Сашенька сразила владельца павок, магазинов и «веселых номеров» наповал. В один миг это случилось.

Дух перехватило у Алексея Андреевича, когда задрипанный, с воровато бегающими глазками, маленький и потный еврейчик неопределенного возраста и жуликоватой наружности, невнятным бормотанием представившийся «импресариум» актрисы, подвел Бизина к ослепительной, искрящейся красотой и молодостью Островской, с деланной усталостью расположившейся в бархатном креслице перед зеркалами маленькой и обшарпанной уборной за кулисами кафешантанной эстрады.

Водопад черных локонов обрушивался на расшитое блестками черное муаровое платье, перчаткой облегающей соблазнительное гибкое тело. Живые масляные страстного взора окатили купца шалым огнем... Ухнул, как в омут! Что и говорить, в госпоже Островской играло чувство! Оно пронзило Бизина неведомым током, и ему стоило большого труда смятения своего не выдать, привычно склониться к ручке, привычные комплименты произнести.

Поздно ночью, в постели, Бизин вдруг поймал себя на мысли, что его впечатления от знакомства с *актриской* не наполняются привычным чувством брезгливого самодовольства, к которому он уже привык в обращении с женщинами. Смех! Какие там чувства! Которую хочу, ту и покупаю! Каждый раз, предварительно привычно заигрывая, а то и без «реверансов» укладывая в постель очередную пассию, Бизин знал: наступит утро, после одной бурной ночи или нескольких, и хруст ассигнаций поставит точку в очередной любовной истории.

Сашенька почему-то выбивалась из этого расклада. Почему? Бизин не мог себе на этот вопрос ответить. Может, потому, что не было пока ни торга, ни ухаживаний?

С этим он и заснул под утро. На столе уже неделю лежало нераспечатанным письмо от жены из Германии. Что с ней происходит на баден-баденских водах, его не интересовало. Влечение к супруге он изображал месяца полтора после венчания.

И Сашенька задавала себе вопросы. Новый знакомец, хозяин великолепного зала для выступлений и потрясающего ресторана ей понравился. Красивый, чувственный! И богат! Как богат!

Но самое главное – она чувствовала его искренность. Это было новым и необычным. Как актрису, ее всюду сопровождало лицедейство. На сцене ли, за кулисами... Все эти галантные, самодовольные фанфароны, снисходящие, восторженные, похотливо-голодные, искатели авантюрных походов или очередной любовной жертвы... А она так устала от игры! На сцене ли, в жизни...

Возникший же в гримерке Алексей Андреевич источал надежность. В нем не было сиеминутного животного стремления получить желаемое по праву самца.

Галантное знакомство продолжилось. После концерта хозяин заведения степенно приглашал за столик, скабрзности не сыпал, больше просто в глаза смотрел, слушал ее глупости. После ужина в экипаже провожал до гостиницы. В номер минутой раньше всегда корзину со свежими чайными розами доставляли, бисквиты и легкое мозельское. Но почтительно целовал пальчики и раскланивался. И Сашенька чувствовала себя с ним женщиной. Нужной, как собеседник, как поверенный в сокровенном. Наконец – просто женщиной, перед которой преклоняются с уважением, а может быть, и...

Концерты Островской в Харбине затянулись. Афишки об «единственной гастрولي» Бизин приказал снять, не привлекая внимания публики. Устроил шикарный званый ужин, на котором, не сразу, а когда гости основательно разогреблись, громогласно объявил о «величайшей милости, которой удостоился его маленький кафешантан, где продолжит свои незабвенные выступления госпожа Островская, о чем с ней посчастливилось заключить контракт». Пересудов, конечно, хватило, но они быстро иссякли: Бизин не давал повода объявить его разбитным старым повеласом, получившим дорогую игрушку.

Иногда Сашеньке казалось, что Алексей Андреевич намеревается сделать ей предложение. О, нет, о замужестве – Сашенька понимала, – речи идти не могло – при живой-то жене, Господи прости! Но она открыла в себе, что ждет любого предложения Бизина.

И решила! Вечером, в прихожей гостиничного «люкса», она умоляюще перехватила его руку...

Роман с Островской поглотил Бизина полностью. Дела были передоверены приказчикам и помощникам, Еврейчика-импресарио, наконец-то, с треском выгнали, а влюбленная парочка укатила в вояж по европам!

На водах в Биаррице переждали потрясения 1905 года, лишь потом нагрянули в Петербург, где между вояжами на природу, балами и посещениями

Мариинки в дни премьер и особенно модных балетов, Бизин через адвокатов дал жене развод и отступного.

Его снадало желание жениться на Сашеньке, но она тянула с ответом, хотя ничего в их отношениях не менялось.

А потом из Самары Сашеньке пришло известие о разбившем ее матушку параличе. Бизин щедро снабдил подругу деньгами, проводил вечером к поезду. Договорились телеграфировать друг другу.

Однако первой пришла телеграмма из Харбина. Управляющий с тревогой сообщал о плачевном состоянии дел. Ситуацию резко ухудшили китайские власти. Сменилось маньчжурское начальство, помела новая метла. Как оказалось впоследствии, не обошлось без происков бывшей женушки, надавившей на свои рычаги, — знакомства и у престарелой купчихи хватало.

Паника приказного люда возрастала. И, телеграфировав Сашеньке, Бизин из Петербурга железным Сибирским путем выехал домой. На месте закрутили дела. Но телеграммы и даже письма, наполненные несвойственной возрасту лирикой, в Самару слал. Однако, от Сашеньки вестей не было.

А потом отступило как-то все это на второй план. Безболезненно и незаметно. Пришло какое-то извиняющееся невнятное письмо от Сашеньки, что-то там про больную мать и необходимость быть с ней. Алексей Андреевич перевел пассиве две тысячи рублей без сопроводительного текста. Чего уж там писать, о чем?..

За полгода до колокольных перезвонов по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых, Бизин широко, с купеческим размахом и помпой, отметил в благовещенском «Балчуге» свой полувековой юбилей. Застолье отходно-прощальным было: свернув торговлю в Приамурье и Верхнеудинске, Бизин окончательно, как он сам был уверен, перебрался в Маньчжурию.

Там, на китайской земле, встретил известие о войне с Германией. Сие по торговле ощутимо ударило: не снарядами и патронами торговал, не амуницией воинской и не фуражом. Бакалейные или, как чаще говорили, колониальные, товары стало доставать архитрудно. Только тут Бизин понял, что, покинув рынок в России, он потерял большие деньги, которые нынче огребали на военных поставках конкуренты, те же читинские предприниматели — миллионщики Самсонович, Второв. Торговое же дело Бизина явно шло к разору.

В Харбине пришлось пару лавок закрыть, вся надежда была на ресторацию и игорный зал с «нумерами», да еще на связи контрабандные.

Однако, китайские власти не дремали. И весомость Бизина уже была не та, и желтолицые очень чутко реагировали на вести с полей сражений. А Россииматушке там везения не было. Посему нахальство местной полиции стало переходить всяческие границы. Как раньше, свертком бумажных ассигнаций отделяваться уже не удавалось.

Крах пришелся на недоброй памяти девятьсот шестнадцатый!

В октябрьскую ночь полиция с двумя взводами солдат, выставивших вперед ножевые штыки и черные зрачки стволов, нагрянули в бизинский публичный дом.

Крушили мебель, обрывали гардины, прикладами сбивали люстры-фонарики, расталкивали полуодетых жриц любви и перепуганных клиентов. Звенели осколками зеркала, полаялся фаянс и фарфор в ресторации, запахло паленой материей.

По истеричному телефонному звонку из заведения Бизин вскорости подкатил к парадному входу.

И тут же его грубо выдернули из пролетки четверо солдат. Оглушительно матерящегося, подтащили, заламывая руки, к пощеному полицейскому чину, ставя, как мальчишку-новобранца, во фронт.

– Какого черта, мать вашу!..

Улыбаясь по-змеиному, щуря и без того узкие глаза на блестящем лице, полицейский начальник в богатом сером костюме долго молча смотрел на сопящего от злости Бизина, потом нехотя шевельнул губами:

– Мы долго терпели вас, господин неблагодарный содержатель. Но нашим терпением вы злоупотребили. Вынужден напомнить, что в отношении лиц, замеченных в контрабанде, действует одна санкция. Мы ничего не будем доказывать, даю три дня, чтобы вы убрались из Маньчжурии. Иначе...

Он выразительно провел затянутой в лайковую кожу ладонью по горлу.

– Ты ж с моей руки кормился, образина...

– Заткнись, русская собака! – прошипел полицейский туз, наклонился с высоты десятка ступенек к потному и взъерошенному Бизину и добавил, криво усмехаясь: – Благодарю свою паршивую судьбу, что я не люблю скандалов. Три дня!

С императорской величавостью хозяин положения прошагал мимо Бизина к черному приземистому автомобилю, хлопнула дверца, взревел мотор. Солдаты оттолкнули, издевательски гогоча, Бизина в сторону и, больше не обращая на него внимания, шмыгнули в японский сад, откуда вперемежку с женским визгом доносились звуки продолжающегося в «нумерах» погрома.

Бизин быстрыми шагами миновал вдрызг разбитые стеклянные двери ресторана, нашел у стойки зареванную распорядительницу мадам Мисайлову. Размазывая по щекам тушь и румяна, она сообщила хозяину, что в игорном зале и комнатах свиданий полицейские нашли изрядное количество опия и кокаина, а еще была стрельба. Из револьвера яростно отстреливался коридорный Мишка, тихий и незаметный блондинистый хлопчик, с вечным кокаиновым насморком. Не зря Бизин и раньше подозревал засранца в связях с торговцами опиумом и кокаином.

Наутро харбинские газеты обрушили на обывателя страшные подробности ночного шума. Писали, что в веселом заведении купца Бизина свила гнездо шайка мошенников и проходимцев, торговавших белым дурманом. Коридорный Мишка, благополучно скрывшийся, выстаивался зловецким торговцем опиумом и организатором сети морфинилок. Газетные писаки деланно возмущались попустительством властей: дескать, лишь ребенок поверит, что от всего этого безобразия хозяин заведения Бизин был в стороне.

И на лапу, заключали газеты, ему, конечно же, изрядно перепало, небось, львиную долю навару греб, пригрев распространителей дурмана.

«Нашли» борзописцы и «жертв» рупетки, с газетных полос обвинявших Бизина в организованном шулерстве, заведомо обманном устройстве игровых столов и специально обученном персонале жуликов-крупье. Да уж... Вот так, значит, не захотели власти скандала!

Еще сутки спустя пресса известила харбинцев, в том числе и самого Бизина, что его заведение властями конфискуется.

Вечером увесистый бульжничок вдребозги разнес витражное стекло над входными дверями в бизинскую квартиру. Ни наутро, ни после в правительственной канцелярии Бизина так и не приняли, посему ждать было нечего.

За сумасшедшие деньги погоревшему коммерсанту удалось нанять подводу и экипаж. Забрав самое необходимое, имевшуюся на руках наличность и золотые побрякушки, Бизин подался из Харбина прочь. Забрал с собой и кроткую, простого происхождения горничную Варвару, с которой фактически последние полтора года сожительствовал. Были намерения податься в Шанхай, но поцеленный полицейский фрукт открыто дал понять: дорога у купчины только одна — в Рассею. На китайской территории его персона нежелательна.

Китаезы на пограничном переходе вытрясли последнее. Что у Варварушки на теле было припрятано, то и осталось. И кое-какое шуметь носильное. В общем, до Читы добрались нищими. Попытался Алексей Андреевич отсюда дотянуться до своего банковского счета в харбинском коммерческом банке Ляо-яна — куда там! Аукнулись денежки!...

Вот и оказался Бизин приживальцем во флигеле у домовладельца Барановского на читинских Новых местах — в недавно отвоеванном от соснового бора на восточных склонах сопкок районе города, чуть повыше и в сторонке от старинного городского кладбища. Часто туда приходил Алексей Андреевич — душу послушать, поразмышлять о скорбных поворотах своей судьбы, на каменные плиты над местами успокоения бывших своих компаньонов и соперников по торговому делу посмотреть, ощущая брэнность мира и свою тоже. Позднее, с темными людishками самого мелкого пошиба знакомство сведя, тоже зачастую тут, на кладбище, им встречи назначал.

Так и надо было продолжать. Ан нет! — отступил от правила разок, наповадил шатию-братию на дом заявляться! Вот и погорел на чертовых лошадях!

...Кряхтя, переворачивается бывший купец на жестких досках тюремного пристанища. Эх, и не жил эти годы последние, существовал червем. Подумаешь, лавчонку, еще Варварушка — царствие ей небесное! — жива была, открыл, бумазеей и рипсом приторговывал помаленьку, товар через старые связи контрабандные выкручивая. Доход — тьфу! Деньги кромчил — на мечту свою последнюю... А вместо оной — на цугундере! Тьфу ты, мать ети!...

Последняя мечта Бизина оригинальностью не отличалась. Хотелось остаток жизни прожить где-нибудь на заграничном курорте, погреть напоследок косточки при заботливом уходе. В комфорте и былой роскоши перед смертушкой понежиться...

При нынешнем положении дел мечта выглядела неосуществимой. Особенно приход Советов в восемнадцатом напугал. Все это равноправие, о котором

красноки на каждом углу кричали, означало одну гольную реквизицию – у него, Бизина, последние крохи отнять и раздать голытьбе. Те на радостях просядут «манну небесную» по кабакам и – ура, значит, Советам казачьих, рабочих и прочих депутатов? Хрены моржовые, а не депутаты! О-о, Содом и Гоморра в стране образовались! И жизни никакой тут не будет! Даже если назад всё переменится.

В решении окончательно расплеваться с Отечеством Бизин был тверд. Только с капиталом неувязочка получалась. Средств или, как стало модно говорить, «золотого запаса» на предполагаемую комфортную старость у Бизина фактически не было. И пока не прибывало. Наоборот, помаленьку проедались старые крохи.

При выгнавшем краснококов атамане Семенове иллюзий старый Бизин тоже не строил. Приятственно, конечно, глазу, что в горсаду заблестели золотые поны. Пахнуло забытым.

Был за это атаману благодарен. Он показался поначалу деятелем решительным. И Советы попер, дай Бог каждому! Своим тоже баловаться вроде не давал. Бизин сам читал в «Восточной окраине», подгулявшего поручика, устроившего пальбу из нагана в ресторане «Бельгия» на Амурской улице. Семенов наутро разжаловал в рядовые и «направил на фронт борьбы с большевиками», как писала газета. А наградные реляции, занимавшие в официальных изданиях целые полосы, где перечислялись фронтовые герои, удостоенные, пусть и по-своему Семеновым изготовленных, Георгиевских крестов?

Все это приятно щекотало амбиции, но уверенности, увы, не добавляло. Уверенности могли прибавить деньги, а они при Семенове обесценились донельзя, потом он и вовсе заменил привычные царские ассигнации на собственные «голубки», которые вскоре оказались дешевле бумаги, на которой их печатали.

Временно поколебала пессимизм Бизина старая любовь. Чуть было не кинулся во все тяжкие! Летом 1919 года это случилось – неожиданная встреча с милой Сашенькой.

Оказалось, что через год после смерти матери она вернулась на сцену, долго выступала в харьковской оперетте, потом вновь обратилась к цыганскому романсу. Последние два года жила в Омске, куда сейчас и возвращалась после ангажемента во Владивостоке.

В Чите задержалась по двум причинам: и оказавшаяся здесь волей судьбы двоюродная сестра погостить уговорила, и хотелось что-нибудь узнать о Алексее Андреевиче, перед которым Островская все-таки чувствовала себя виноватой. Остановившись в номерах Окуловского коммерческого подворья – довольно приличной читинской гостиницы с ресторацией, – навела справки о Бизине.

И, выяснив его нынешнее местожительство, взяла и запросто приехала к дому Барановского на извозчике. Так и встретились.

От убогости своей разорившийся купец готов был сквозь землю провалиться, но Сашенька ничего не замечала, лишь смотрела во все глаза на «незабвенного Алешеньку».

С былым сравнивала. Бизин злился и испытывал жесточайшее унижение. Идиоту понятно: чего сравнивать тогдашнего лощеного богатея и его нынешнего, старого и плешивого! Только виду разочарованная Сашенька не показывает, благородство разводит.

Но Островская продолжала навещать «незабвенного» чуть ли не ежедневно, а перед отъездом, заставив Бизина принять приличную костюмную пару, поддюжины сорочек и черные штиблеты, закатали шикарный обед в дорогом ресторане «Даурское подворье».

Приличествующий ситуации тет-а-тет прима цыганского романса отставила: на прощальное застолье прикатила в сверкающем огромном черном автомобиле со своей кузиной. Вот где получился самый что ни на есть сюрприз!

Родней бывшей пассии Бизина оказалась эффектная брюнетка Мария Глебова, она же Маша-Цыганка, больше известная читинскому обывателю как любовница грозного атамана и главнокомандующего! Позже, правда, ненадолго, Маша-Цыганка даже станет законной супругой атамана, всесильной Марией Михайловной Семеновой, вертевшей грозным забайкальским воителем как ей заблагорассудится, превратившей зловещую семеновскую контрразведку в свою подручную конторку по сведению кровавых счетов с дамами читинского «света», коих Марья Михайловна в приступах дикой ревности удосуживалась заподозрить в притязаниях на ее генерал-атамана.

Даже циничное и много чего повидавшее семеновское окружение, не говоря уж о читинских обывателях, потрясет нашумевшая история о страшной смерти генеральши Нацваловой, которую Маша-Цыганка считала своей главной соперницей. По приказу томной и экзальтированной позтессы и актрисы, как заявляла себя Марья Михайловна, ставшая хозяйкой модного в Чите салона для «бомонда» и творческой богемы, Нацвалову, имевшую несчастье тоже организовать «вечера в гостиной», где «Гришке и Машке» перемывались косточки, похитили.

Труп генеральши не скоро найдут. И обнаружат далеко от Читы, в Средтенске, в деревянном ящике на берегу Шилки. Соперницу вначале зверски изнасиловали, а после... отпилили ей голову. Поговаривали, что по приказу Машки-Цыганки жуткое убийство организовал адъютант атамана есаул Торчинов – «мальчик на побегушках» у новоиспеченной мадам Семеновой. А вскоре расправились и с супругом убиенной – генералом Нацваловым, которого по наущению Машки из Читы во Владивосток – якобы с повышением в должности и звании – отправил атаман.

Там, по официальной версии, с горя, узнав о гибели жены, бывший начальник штаба Семенова, а ныне только что назначенный командиром Пятого Приамурского корпуса генерал Нацвалов застрелился. И снова среди читинского народа поговаривали, что генералу «помог» покинуть бранный свет жандармский ротмистр Понтович, временно состоявший в свите Нацвалова, прибывшего во Владивосток принимать корпус. Ну, а уж о Понтовиче в Чите слава ходила еще та! Ближайший подручный начальника дознавательного отдела семеновской контрразведки полковника Тирбаха!

Это самое зловещее карательное подразделение охраны атамана располагалось в уже известном читателю селе Маккавеево и представляло собой конвейер по вынесению смертных приговоров врагам семеновского режима: арестованных красных партизан и подпольщиков, заподозренных в крамоле и прочем обывателей, а также спекулянтов и контрабандистов – сотни и сотни людей! – семеновцы держали, как скот, в составах теплушек, забивших запасные пути на станции.

Военно-полевой суд штамповал свинцовые приговоры, гремели залпы по приведению оных в исполнение. Летом, избавляясь от зловония, трупы спешно закапывали воинские команды и еще живые жертвы, а зимой казненных штабелями складывали в те же самые теплушки на запасных путях.

Маккавеевская трагедия Забайкалья – основная причина, по которой никак не получается у современных просителей за атамана отмыть его от крови забайкальцев и зачислить в ряды «великомучеников» Белого движения. Это впоследствии хорошо понимали и сам атаман, и руководители белоэмигрантских кругов, еще в 1923-1924 годах исключивших использование Семенова как знамени и вожака белоповстанческих телодвижений в Забайкалье и Приамурье. Но это так – для информирования некоторых читателей, а мы вернемся в ресторацию «Даурского подворья».

...За помящимся от деликатесов столом раздумывавшая Сашенька шептала быстро охмелевшему Алексею Андреевичу, цепко поддевавшему мельхиоровой вилочкой нежнейшую семгу, что может представить его атаману. Ей, де, хорошо известен его коммерческий талант, который в нынешней ситуации мог бы необычайно развиться. Не будет проблем оформить беспроцентную ссуду под торговое дело, только надобно Алексею определиться, под какие поставки для армии просить деньги. Понимающе кивала и Глебова, вокруг которой суетились официанты, метрдотель и два адъютанта Семенова, доставившие ее в ресторан.

Но, при всей жадной устремленности к последней своей мечте, Бизин, изучивший семеновские порядки, давно понял: если бал правит какая-то любовница, то правитель и не правитель вовсе, а временщик. А если вчитаться в сводки военных действий...

Посему он перевел разговор на концертную деятельность Сашеньки, стал расспрашивать ее о пережитом за минувшие годы, вспоминать их приключения. Вскоре увидел: этот разговор бывшей любушке в тягость.

Что ж, ныне они являли собой разительную картину: подряхлевший, выглядевший куда как старше своих лет, лысый и беззубый Бизин, наряженный в даренные обновки. И – совсем не изменившаяся, молодая, красивая, со вкусом и по последней моде одетая Сашенька! На нее с кузиной пялилась вся мужская ресторанный публика, включая семеновских адъютантов, прямо-таки сочащихся презрением по отношению к нему, старому и облезлому.

Бизин замолчал, почтше стал прикладываться к сладкой наливочке, смотрел на расфранченных дам за столиками, слушал вполуха Сашеньку и тихо грезил о безвозвратно ушедшем. Некогда ярко вспыхнувшая в его сердце любовь окончательно подернулась сизым леплом.

И застолье вскоре угасло. Дамы благородно довели старика до его обители, напоследок сунув воцелый сверток с остатками гастрономических деликатесов, которые Бизин безропотно принял, в хмелю даже внутренне не оскорбившись подачкой.

На следующий день, в полдень, Сашенька уехала. Как вспыхнувшая искорка среди мертвых углей, уколола надежда, что попросит проводить, но, уезжая вечером с Машей-Цыганкой на рычащем лакированном монстре, Островская только взмахнула ручкой на прощание.

Бизин таки пришел на вокзал. Издали наблюдал, как у пульман-вагона толпились штабные офицеры, звенел хрусталь «на посошок», тренькали веселыми колокольчиками смешки Сашеньки и Марьи, вкативших прямо на перрон в атаманском автомобиле, нещадно дымящем газелиновым перегаром. Бизин помнил, что в лучшие времена таких перронных вольностей даже их превосходительства господин военный губернатор и господин традоначальник себе не позволяли. М-да-с! О, temperas, o, mores! Потом поезд ушел, а в душе и не захолонуло. Пепел...

... Незаметно занялось утро.

Гремя запорами и ключами, надзиратели отпирали «кормушки» – маленькие оконца на дверях камер, прорезанные так низко, что, только изрядно согнувшись, можно было поравняться лицом с отверстием, а вот на колени встать – высокомерно. Видно, специально так задумано, для унижения человеческого.

В кормушку следовало просунуть миску, заключенный из тюремной obsługi опрокидывал в нее черпак баланды или каши – и забирай обратно.

Бизин принял, не из кормушки, а через нескладного, костлявого парня, откликавшегося на имя Пронька, миску с жидкой перловой кашей и осьмушку ржаного, липкого, вперемежку с отрубями, хлеба, стал неторопливо прихлебывать кашу захваченной из дома деревянной ложкой. Поев, ложку оближал и протер чистой тряпичкой, которую носил в кармане рубахи, неспешным взглядом обвел лица чавкающих обитателей камеры.

За проведенные в читинской тюрьме несколько дней Бизин уже про каждого в камере чего-то помаленьку знал.

Из Кузнечных рядов, слышавших у читинских обывателей районом обитания всех местных хонокрадов и укрывателей краденного, – Пронька и сосед Бизина по нарам сверху Коська Баталов. Оба припухли на краже коз.

К двери ближе примостился на верхних нарах Киргинцев Мишка, тоже из Кузнечных. Увел и забил корову, а продать не успел.

Яшка Верхоленцев, смуглый и верткий, – чистый цыган! – с нагловатым взглядом и не сходящей с тонких губ нехорошей ухмылкой, как и его подельник Витька по фамилии Корвель, пойманы угрозомом за кражу лошадей с пастбища, а Долгарь, или Долгарев Мишка, с Абрамом Емельяновым и щуплым китайцем Чин-Хуп-Ляном оказались в камере за кражу мануфактуры с товарного двора станции Чита-I. Сами – с Дальнего вокзала, западной читинской окраины, где таких ухарей хватало. Мануфактуру уперли у китайского коммерсанта, да попались на продаже.

Вечно голодный Пронька, прозванный в камере Кишкой, жадно смотрел на недоеденный Бизиним кусок пахнущего прелью и мышами хлеба. Бизин разрешающе кивнул, отвернулся к окну. Там виднелся кусок неба, затянутого равными облаками.

Кто он, за что его в камеру втюрили, Бизин собравшейся здесь шпане не рассказывал. По арестантским понятиям, это было делом вполне допустимым: не лезь в чужую душу – не полезут и в твою. Надо – человеку сам себя обнажит.

Но после того, как Бизин уверенно занял лучшее место, его старшинство признали. Повлияло, наверное, и то, что разговору, свойственного уголовной братии, Бизин набрался за свою жизнь предостаточно, умел, где надо, вернуть жаргонное уркаганское словцо. Потом, опять же, возраст, спокойствие и немигающий тяжелый взгляд тоже свое играют.

Лязгнув засов, гулко ухнув, приоткрылась обитая железными полосами дверь.

– Встать! Построиться! Доложить!

После громкой команды в камеру вошел высокий человек в старом, но аккуратно вычищенном черном хителе, какие носили еще государевы тюремные служаки. За спиной вошедшего теснились настороженные надзиратели.

– Я – начальник тюрьмы Григорьев. Есть ли ко мне вопросы, жалобы?

Арестанты молчали. Яшка Верховенцев дернулся было что-то выкрикнуть, но под пристальным взглядом Бизина пригнул голову за долговязого Проньку.

– Добре, – выждав, сказал Григорьев. – Но впредь требую доклада старшего по камере или ежедневного дежурного. Кто у вас за старшего? Ну, чего же молчите?

– Баталов Константин за старшего будет, – негромко проговорил Алексей Андреевич.

– Ну вот, а то я уж подумал, что у вас здесь порядка нет, – усмехнулся Григорьев, пристально поглядел на Бизина.

Начальник Читинской тюрьмы Григорьев был человеком очень интересной судьбы. Коренной забайкалец, всего в жизни добивавшийся только своим упорным трудом, Леонтий Андреевич нашел свое призвание в деле, никогда не считавшимся почетным, – с 1890-х годов служил в Читинской тюрьме. Довольно быстро достиг высоты – в 1906 году его назначили начальником этого заведения. С 10 марта 1918 года возглавлял тюрьму на выборных началах. И оставался в этой роли бесценно уже при пятой власти!

Как царского тюремщика, его рассматривала на предмет политической благонадежности специальная комиссия комитета общественной безопасности, созданного в Чите органа Временного правительства, потом то же самое последовательно проделали аналогичные проверочные органы при установлении советской власти в 1918 году, затем, после ее падения, когда в Чите сел править атаман Семенов, ну а потом – при установлении Дэвээрри. И все эти комиссии признали Григорьева соответствующим занимаемой должности!

Хотя последняя проверка нервы помотала в самый неподходящий момент. Это даже не проверка была, а целое следствие, учиненное по анонимному доносу следователем Народно-политического суда Забайкальской области Дедиковым в октябре 1921 года.

Григорьева и все его семейство обвинили в том, что они-де хотели эвакуироваться, а попросту говоря, сбежать с семеновской бандой в Китай.

Дело было в том, что в июне 1920 года Григорьев отправил свою жену Елизавету Афанасьевну, страдающую желчно-каменной болезнью, и троих детей на лечение в Харбин. Старшая дочь Григорьева – шестнадцатилетняя Серафима перенесла два приступа аппендицита, поэтому речь шла и о возможной ее операции. Болезненным был и тринадцатилетний сын – Сережа. Почему в семье и приняли такое решение: супруга с детьми, включая пятилетнюю Леночку, поживет в Харбине три-четыре месяца, пройдя полный курс лечения.

После отъезда семьи не прошло и месяца, как начальник тюрьмы получил приказ готовить к эвакуации имущество и арестованных. Отступать вместе с семеновцами Леонтий Андреевич не собирался. Более того, воспользовавшись суматохой и неразберихой, сумел отвести от беды партию в 170 заключенных, которых семеновцы собирались пустить «в расход». Под всяческими предложениями затягивал и выполнение приказа об эвакуации.

Не было бы счастья, так несчастье помогло. В начале августа Григорьев получил сообщение из Харбина, что из-за болезни жены и старшей дочери семья оказалась в тяжелом материальном положении. Сдав тюрьму своему помощнику Жигалину, он выехал в Харбин, пробыл там две недели, устроив все, что мог, с больной дочерью. И вернулся в Читу, забрав с собой сына, которому надо было продолжать учебу.

К тому времени семеновским властям было уже не до эвакуации тюрьмы. Но беда поджидала с другой стороны – старшего сына Леонтия Андреевича, двадцатидвухлетнего Феодосия, еще в 1918 году мобилизованного семеновцами со скамьи политехнического училища в казачий полк, откомандировали, помимо желания юноши, в юнкерское училище. Скоропостижный срок обучения в августе у Феодосия закончился, его произвели в подпоручики и отдали приказ выехать в Даурию. Сын служить у Семенова не хотел и, когда начался отъезд, ушел из училищной казармы домой, но за ним послали вооруженный наряд с офицером...

Только в начале 1921 года Григорьев узнал, что сын жив, но болен воспалением почек, от службы освобожден и находится тоже в Харбине.

Семья вернулась в Читу в сентябре 1921 года: Григорьевым помог знакомый, выехавший в ДВР из Харбина и сопроводивший жену и детей начальника тюрьмы в дороге.

Трудно сказать, в чем была вина Григорьева, пострадавшего от всех перипетий с семьей, но весь октябрь его вызывал следователь, подробно опрашивающий и сотрудников тюрьмы. А они поголовно свидетельствовали в пользу своего начальника, не допуская и мысли, что Григорьев хотя бы отчасти пропитан семеновским духом. Конторщик тюрьмы Михаил Крутиков рассказал следователю, что сам при семеновцах арестовывался четыре раза, и каждый раз

бывал освобожден только благодаря Григорьеву, который к тому же знал, что у него, Крутикова, пять месяцев скрывался свояк – комиссар Лопатин. Григорьев даже не раз предупреждал обоих о слежке за ними семеновских ищеек.

Из всего своего следствия особый следователь Дедиков вынес одно: Леонтий Андреевич Григорьев имеет крупнейший авторитет, как среди тюремного персонала, так и среди заключенных самого разного толка. Дедиков так и заключил: начальник тюрьмы – выходец из простого народа и многое повидавший за свою жизнь профессионал тюремного дела.

Особенно уважали Григорьева за то, что он четко различал уголовников и политических арестантов. Умело пользовался своей властью; люди, попавшие в острог за «политику», чувствовали определенные послабления, при малейшей возможности Григорьевым освобождались. Прodelывал он это настолько умно и тонко, что и хваленая семеновская контрразведка подкопаться под начальника тюрьмы не сумела.

И уголовников начальник тюрьмы «разводил по мастям», четко различая попавшего в острог по дурости и закоренелого уркагана.

Своей интуицией, взращенной на многолетнем опыте тюремной службы, Леонтий Андреевич и сейчас почувствовал: ох, и непросто этот дедок Бизин. В камере недавно, а уже верховодит. Ненавязчиво, осторожно, но арестантская братия его авторитет приняла.

Григорьев обвел взглядом притихших «камерных» жителей и бросил за спину:

– Заводи новенького!

В камеру неловко, боком, протиснулся невысокий паренек годков шестнадцати, настороженно, со злым беспокойством оглядывая новые лица, – тугие желваки на широкоскулом лице так и играют. От непривычного стойкого запаха вони и пота непроизвольно сморщился, чем сразу вызвал у наблюдавших за ним арестантов ухмылки.

Начальник тюрьмы еще раз цепким взглядом обвел камеру и вышел, напоследок громко сказав: «До свиданья!», на что камера ответила нестройным хором. Дверь захлопнулась, снова лягнул засов и загремел ключ в замке.

Одетый в застиранные солдатские обноски новичок, привыкший, стоял у двери. Бизин сразу понял, что оголец только начинает свой тюремный опыт.

– Иди-ка, паря, сюда, – поманил Бизин новичка пальцем. Тот подошел. Камера выжидательно наблюдала за происходящим.

– Сначала, мил друг, представиться надо чесной кампани...

– Бориска я, Багров.

– И за что же ты, Бориска, на кичу загремел?

– Чаво?

Камера оглушительно заржала.

– Че ржете, мерины! – Парнишка сжал кулаки, попятившись к дверям.

– Тихо! – взмахнул рукой Бизин, прищурившись, еще раз оглядел новичка с головы до ног, поощрительно усмехнулся: – Горячий ты мужик, Бориска! На кичу, мил друг, значит в тюрьму. Это ты еще освоишь... Ну, так, за что в камеру засунули?

Это была демоверсия книги - «...Именем народа Д.В.Р.». Роман-хроника; Стервятники. Документально-художественный роман

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34